

Л. М. Мельникова

Традиционная культура
русских старожилов
Усть-Илимского района
Иркутской области

Иркутск

2018

Государственное бюджетное учреждение культуры
«Иркутский областной Дом народного творчества»

Л. М. Мельникова

Традиционная культура
русских старожилов
Усть-Илимского района
Иркутской области

Серия «Этнография Иркутской области»
Основана в 2013 г.
Выпуск 3

Иркутск
2018

ББК 63.52(=411)(2Рос-4Ирк)-7

УДК 390(=47)(571.53)

М 48

М 48 Мельникова Л. М. Традиционная культура русских старожилов Усть-Илимского района Иркутской области. / Л. М. Мельникова, Министерство культуры и архивов Иркутской области, ГБУК «Иркутский областной Дом народного творчества». – Иркутск: Типография «Репроцентр А1», 2018 г. – 80 с.: ил. – (Серия «Этнография Иркутской области»; вып. 3)

В данном издании представлено исследование традиционной материальной культуры русских старожилов Усть-Илимского района Иркутской области середины XX века. В работе даны описания традиционной одежды (в том числе и промысловый), народной тряпичной куклы, выявлены особенности пищевой культуры сибиряков.

Фольклорно-этнографические материалы записаны ведущим специалистом по этнографии Государственного бюджетного учреждения культуры «Иркутский областной Дом народного творчества» Л. М. Мельниковой во время экспедиции 2014 года в населенные пункты Усть-Илимского района: г. Усть-Илимск, п. Седаново, Подъеланка, Невон, Эдуchanка, Кеуль, Тубинский и с. Ершово.

Исследование адресовано специалистам, занимающимся этнографией русских старожилов Иркутской области, студентам, преподавателям, руководителям любительских и профессиональных исполнительских коллективов, а также всем, кто интересуется традиционной народной культурой.

ББК 63.52(=411)(2Рос-4Ирк)-7

УДК 390(=47)(571.53)

© Государственное бюджетное учреждение культуры
«Иркутский областной Дом народного творчества», 2018

© Л. М. Мельникова, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4	
ГЛАВА I		
ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКИ		
ОБ УСТЬ-ИЛИМСКОМ РАЙОНЕ	9	
§ 1. Географическая справка	9	
§ 2. Топонимика	9	
§ 3. Историческая справка	10	
§ 4. Воспоминания старожилов	11	
§ 5. Этнонимы	12	
ГЛАВА II		
ТРАДИЦИОННЫЕ КОМПЛЕКСЫ ОДЕЖДЫ РУССКИХ		
СТАРОЖИЛОВ УСТЬ-ИЛИМСКОГО РАЙОНА сер. XX в.....	18	
§ 1. Элементы комплексов одежды	20	
§ 2. Женская одежда	22	
§ 3. Мужская одежда	26	
§ 4. Промысловая одежда	28	
а) Комплекс одежды для охоты	30	
б) Комплекс одежды для рыболовства	31	
ГЛАВА III		
НАРОДНАЯ ТРЯПИЧНАЯ КУКЛА	47	
ГЛАВА IV		55
ПИЩА	55	
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	65	
СВЕДЕНИЯ ОБ ИНФОРМАНТАХ	67	
СЛОВАРЬ ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВ	73	
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	79	

ПРЕДИСЛОВИЕ

Более ста лет назад ученых привлекла тема изучения истории этнографии народов, населяющих Иркутскую область. Культура сибиряков стала объектом пристального внимания многих исследователей. В регионе неоднократно проходили этнографические экспедиции, в том числе и Академии наук СССР (гг. Москва, Новосибирск). Особый интерес проявляли к археологии и культуре коренных жителей области: тофам, эвенкам и бурятам. Не обошли вниманием и традиционную культуру русских старожилов – чалдонов, тех, кто пришел в эти земли более трёхсот лет назад.

Изучением особенностей бытования материальной культуры русских старожилов Приангарья занимались такие известные этнографы, как Маслова Г. С., Сабурова Л. М., Лебедева А. А., Макаренко А. А. С итогами экспедиций Академии наук СССР сегодня можно ознакомиться в сборниках статей:

1. Маслова Г. С. Русский народный костюм (XIX–XX вв.) / Г. С. Маслова // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири [Текст]: [Сборник статей] / [Отв. ред. д-р искусствоведч. наук И. В. Маковецкий и д-р ист. наук Г. С. Маслова]; АН СССР. Сиб. отд-ние. Ин-т истории, филологии и философии. Отд-ние истории. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М-во культуры СССР. Ин-т истории искусств. - Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1971-. Ч. 1: Приангарье. - 1971. - 198 с., 17 л. ил. : ил., нот. ил., карт.

2. Сабурова Л. М. Одежда русского населения Сибири / Л. М. Сабурова // Из культурного наследия народов России [Текст] / [Отв. ред. Т. В. Станюкович]. – Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972. – 299 с – (Сборник Музея антропологии и этнографии/ АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая).

3. Сабурова Л. М. Русское население Приангарья / Л. М. Сабурова // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири [Текст]: [Сборник статей] / [Отв. ред. д-р искусствоведч. наук И. В. Маковецкий и д-р ист. наук Г. С. Маслова]; АН СССР. Сиб. отд-ние. Ин-т истории, филологии и философии. Отд-ние истории. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М-во культуры СССР. Ин-т истории искусств. - Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1971-. Ч. 1: Приангарье. - 1971. - 198 с., 17 л. ил. : ил., нот. ил., карт.

4. Макаренко А. А. Сибирский народный календарь [Текст] / А. А. Макаренко. под ред. А. С. Ермолова. – Новосибирск: Наука, Сибирская издательская фирма, 1993. – 164 с.

По мнению Людмилы Михайловны Сабуровой, «материальная культура русского населения Сибири исследована пока недостаточно, не выявлены в полной мере её особенности, как для всей Сибири, так и для отдельных её районов. В тоже время такое изучение представляет интерес. Оно даёт возможность судить об особенностях, путях формирования, генетической связи русской культуры в Сибири. Это в свое время даёт материал для решения проблемы о степени изменчивости и

устойчивости традиционной культуры на новой родине под влиянием различных факторов» [6, 99].

В ходе научных экспедиций, исследуя Верхнее и Среднее Приангарье, учёным удалось выявить информацию и систематизировать её. Но, как справедливо отмечают исследователи, и доказывает практика, ни одна экспедиция не даёт полной картины о материальной культуре быта. В последующих полевых исследованиях учёные вновь обнаруживают уникальные объекты нематериального культурного наследия. Это будет происходить до тех пор, пока живы свидетели традиционного уклада жизни – потомки русских старожилов (чалдоны). Об этом свидетельствуют итоги всех этнографических экспедиций ГБУК «Иркутский областной Дом народного творчества».

В августе 2014 года была проведена очередная этнографическая экспедиция, в планы которой входило созиранье материалов по традиционной народной культуре русских старожилов Усть-Илимского района Иркутской области и их потомков. Особый интерес представляли старожильческие одежды, предметы быта и орудия труда, тряпичные куклы, традиционные ремесленные техники забытые или неизвестные, а также пища старожилов.

По маршруту экспедиции было обследовано восемь населенных пунктов: г. Усть-Илимск, п. Седаново, Подъеланка, Невон, Эдучанка, Кеуль, Тубинский и с. Ершово. Опрошено двадцать восемь информантов, собран фотографический архив, сделаны аудиозаписи.

Старое Седаново. Фото в Центре досуга и информации Седановского МО

Старинные поселки Кеуль, Седаново, Подъеланка, Эдучанка, Тубинский и село Ершово были затоплены в результате строительства Усть-Илимской ГЭС. Они были перевезены на новые места в 70–80-е годы XX века, во времена Союза Советских

Река Ангара. Усть-Илимская ГЭС

Маршрут экспедиции

ЭКСПЕДИЦИЯ 2014 ГОДА

п. Эдучанка. Банщикова Е. Ф. и Мельникова Л. М.
Фото Таратутова В. А.

п. Эдучанка. Участники экспедиции: журналист
Шарипкова С. Е. и библиограф Гущина И. В.

п. Невон

п. Невон. Улица

Даритель Кузнецов П. Г. и Британ Т. В.

п. Невон. Карнаухова Н. М. и Мельникова Л. М.
Фото Таратутова В. А.

Старое Седаново. Плотная застройка дорожного типа.
Фото в Центре досуга и информации Седановского МО

Социалистических Республик. Исторической ценности для этнографов, изучающих традиционную культуру русских старожилов, сегодня они не представляют. Исключением является поселок Невон, в котором его старая часть представлена традиционной для старожилов застройкой. До сих пор сохранились уникальные усадьбы с домами и двухэтажными амбарами, разделёнными на лопатный, хлебный отдел и яму-ледник.

Предметом обследования в Усть-Илимском районе стали фонды музеев и музейных комнат. В процессе работы были зафиксированы предметы материальной культуры быта, находящиеся в Усть-Илимском краеведческом музее (директор Мышалкина Н. В.), в школьных музеях п. Эдуchanка (Евдокименко Р. А.) и с. Ершово (Лейман О. А.), в музейной комнате МКУК «Центр досуга и информации Подъеланского МО» (Сазонова Л. А.).

В собственности информантов выявлены образцы одежды русских старожилов, предметы рыбной ловли и предметы быта. По многим причинам не все артефакты имеют точные выходные данные, что не позволяет судить о времени и месте их бытования.

В процессе полевой работы были записаны устные рассказы о комплексах одежды (в том числе и промысловый), о производстве тканей, обуви и одежды в домашних условиях, об изготовлении традиционной тряпичной куклы и традиционной пищи. Интересными представляются воспоминания старожилов о затоплении традиционных мест бытования и переселении на новые места жительства.

Данное издание является результатом анализа собранного полевого этнографического материала и обобщения сведений о материальной культуре быта Усть-Илимского района Иркутской области 30–60-х годов XX века.

ГЛАВА I

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКИ ОБ УСТЬ-ИЛИМСКОМ РАЙОНЕ

Географическая справка

Усть-Илимский район расположен на северо-западе Иркутской области в бассейне среднего течения реки Ангары и приравнен к районам Крайнего Севера. Его площадь – 36,6 тыс. км².

Границы были установлены Указом Президиума Верховного Совета РСФСР 15 февраля 1968 года за счет объединения территорий Нижнеилимского и Братского районов. На севере он граничит с Красноярским краем и входящим в его состав Эвенкийским автономным округом, на юге – с Нижнеилимским и Братским районами, на западе – с Чунским, а на востоке с Катангским и Усть-Кутским.

Территория значительно удалена от морей и океанов, поэтому здесь господствует резко континентальный климат, который характеризуется коротким теплым летом (более 50 дней) и суровым зимним периодом. Низкие среднегодовые температуры, значительное сезонное промерзание почвы явились основными факторами безраздельного господства на территории Усть-Илимского района таёжных систем.

Рельеф района в основном сохраняет равнинную поверхность, которая местами осложнена сопками, грядами, массивными хребтами, разделёнными реками. Главная водная артерия – река Ангара с притоками. На северо-востоке находится плоская заболоченная долина реки Катанги. Долины рек Среднего Приангарья разнообразны: имеют большую глубину вреза, приобретают характер каньонов, в руслах наблюдаются пороги – шиверы, местами берега скальные, затем реки переходят в широкие долины. Водится рыба: хариус, таймень, сиг, ленок, елец, голец, щука, ёрш, окунь, плотва.

Район находится вне зоны интенсивного освоения и заселения земель. Он удалён от транзитных железнодорожных магистралей – Транссибирской и Байкало-Амурской. Расстояние по железной дороге до Иркутска составляет 1458 км, а воздушным путем – 700 км. С железнодорожной линией Тайшет – Братск – Лена (БАМ) Усть-Илимский район связан тупиковой железнодорожной веткой Хребтовая – Усть-Илимск.

В Усть-Илимском районе 14 поселений в составе одного рабочего посёлка, девятыи посёлков, трёх сёл и одной деревни. Население составляет 18,5 тыс. человек [11].

Лесные земли составляют 91%, сельскохозяйственные – 2,8%. Тайга – значительный лесосырьевой и охотопромысловый ресурс. В лесах обитают разные виды животных и птиц, адаптированных к суровым условиям: медведь, лось, соболь, росомаха, колонок, кабарга, косуля, белка, рысь, волк, лиса, горностай, заяц-беляк, бурундук, тетерев, глухарь, белая куропатка, дятел, ворона. В тайге растут лесные ягоды: клюква, морошка, черника, голубика, брусника.

Топонимика

Деревни, основанные в 1687 году: Тушама, Невон, Ката, Кеуль носят названия

речек, впадающих в Ангару. В исследовании профессора Мельхеева М. Н. читаем: «*Ангара, р., приток Енисея – на бур. языке от корня *анга* (см.) слова *ангай*, *анга-ра*, *ангагар*, *ангархай* одинаково означают «разинутый», «открытый», «раскрытый», «зияющий», а также «расселина», «ущелье», «промоина».* И, если иметь в виду, что *Ангара* в своем истоке, прорезая горы, стремительно течет по расселине, ущелью, то она действительно напоминает рот, открытую пасть, жадно и непрерывно поглощающую воды Байкала. Происхождение названия «*Ангара*» связано с характером морфологии долины реки у её истока, напоминающем расселину, ущелье, по которому *Ангара* вырывается из Байкала. Название «*Ангара*» в исторических источниках впервые упоминается в XIII веке в форме «*Анкара-мурэн*» [3, 20].

Село Усть-Илим находилось у впадения р. Илима в Ангару. Название имеет эвенкийское или якутское происхождение.

У Мельхеева М. Н. читаем: «*Илим, р., приток р. Ангара, Илимск, Нижнеилимск, Усть-Илимск, сс., Нижнеилимский р-н – в документах XVII в. назывался *Илимск* (бур. произношение «*Илым*»).* Этимология не ясна. Предполагают, что это наследие якутского языка: «*илим*» по-якутски означает «сеть». Современное с. Илимск возникло в 1630 г. как зимовье, с которого шла дорога на Лену через Ленский волок. В 1647 г. зимовье превратилось в острог, который затем стал называться *Град Илимск*. Остатки сооружений XVII в. сохранились до настоящего времени» [3, 35-36].

Топонимика названия села Невонское или «У Невона камени» связывается с формой горы, у подошвы которой располагается селение. «Невон» по-эвенкийски – свиняя голова [1, 326].

Историческая справка

Многие села и деревни, ушедшие под воды Усть-Илимского водохранилища, были образованы в начале или середине XVII века и являлись старожильческими. Село Кеуль – 1687 года, д. Воробьево – 1723 года, д. Ершово – 1630 года, д. Карапчанка – 1699 года. Исключением является пос. Невон, поэтому сегодня мы можем видеть его сохранившуюся старую часть, представленную традиционной для старожилов застройкой.

В 1670–1680 гг. по приказу илимского воеводы у подошвы одной горы был про- ведён поиск места для заселения пригодных к возделыванию земель. Село Невон расположилось в живописном месте на высоком солнечном берегу в устье реки Невонки, впадающей в Ангару. Выбранное место было удачным для хозяйствования: гора защищала от холодных северо-западных ветров, елани (лесные поляны) были пригодны для пашни, на островах в устье Невонки имелись сенокосные луга, в Ангаре в изобилии водилась рыба. Выгодность положения и обширность земель предопределили превращение Невона в одно из наиболее крупных поселений Карапчанской волости [1, 326].

Следует заметить, что еще этнограф Алексей Алексеевич Макаренко в XIX веке писал: «*Русские составляют главную часть населения Ангарской долины (по среднему и нижнему течению Ангары).* Благодаря расовой устойчивости, унаследованной склонности к оседлой жизни, а также в силу покровительства русских законов, они получили в этом крае, как и во всей Сибири, господствующее положение. Здесь русские насељники далёкого прошлого сравнительно легко завладели естественными богатствами (землями, лесными и водными угодьями и т. п.), первоначально находившимися во владении тунгусов и бурят. Серьёзные затруднения своим культурным начинаниям они встретили в условиях самой природы. Первенствующими

из них являются до сих пор плохое качество земли, суровый климат, единственный путь по бурной реке и т. д.

Чтобы отстоять собственное существование при наличии подобных препятствий, русским наследникам на первых порах приходилось браться за средства, испытанные задолго до их прихода сибирскими инородцами: ими перенималась отчасти техника звероловства и охоты, способы рыбной ловли в порогах и шиверах Ангары; за образцы построек брались инородческие юрты, скотные дворы многоугольной формы.

Таким путем совершалось осибирячение русских. Незаметно ими воспринимались некоторые черты инородческой материальной культуры; дальнейшее сближение их с туземцами, закреплявшееся нередко взаимными брачными союзами, не могло не оказать в известной степени влияния и на физический тип, а вместе с тем и на традиции, нравы и обычай, одежду, язык и даже на верования, поселившихся на Ангаре русских. С каждым новым поколением всё более и более терялась родственная связь с Россией, забывались ее исторические предания, что составляет в Сибири почти общее явление. Напротив, для «ангара», как и для любого сибиряка, в конце концов, стала милее Сибирь как Родина; дикая и суровая природа её сделала для него более понятной и любимой» [2, 16].

Примером этому служат судьбы первопоселенцев села Невон Григория Анутина и Ивана Антипина. Они взяли в жёны тунгусских женщин и создали семьи. Павел Григорьевич Кузнецов, уроженец деревни Нижняя Шаманка, в разговоре так же вспомнил, что его бабушка была тунгуска.

Человеческая деятельность внесла свой вклад. Значимую роль в природном потенциале района играет гидроэнергетический ресурс, потенциальный запас которого оценивается в 22,2 млрд. кВт·ч. С 1979 года задействована Усть-Илимская ГЭС, которая является третьей ступенью Ангарского каскада (верхняя Иркутская ГЭС возведена в 1950-е годы, Братская в 1967 г.). Четвёртая в этой цепочке – Богучанская ГЭС. Первый запуск был осуществлен в 2012 году, окончание строительства – 2015 год.

При заполнении Усть-Илимского водохранилища были затоплены сельскохозяйственные земли, леса ушли под воду, сенокосы и пастбища, навсегда прекратила свое существование знаменитая Илимская пашня. Из зоны затопления было переселено 15 тыс. человек. Воднотранспортное значение Усть-Илимского водохранилища существенно снизилось из-за замкнутости «глухими» плотинами (Братской и Усть-Илимской ГЭС), а Ангара – малыми глубинами. Хотя водохранилище и является важным рыбопромысловым водоёмом, подавляющая часть запасов представлена малоценными частицами видами: окунем и плотвой. Практически исчезли осётр, стерлядь, тугун.

Валентин Григорьевич Распутин в одном из интервью перед вводом в эксплуатацию Богучанской ГЭС говорил: «Строят Богучанскую ГЭС, алюминиевый завод. Хватит денег – и два завода построят. Этот алюминий пойдет, разумеется, за границу, никто этого и не скрывает – в развитые восточные страны, ещё куда-нибудь. А наш брат крестьянин останется опять-таки ни с чем. Дальнейшее развитие событий легко просматривается – финал, окончательное убийство Ангары. Значит, Ангара доживает последние дни» [10].

Воспоминания старожилов

Ефим Иннокентьевич Зарубин из с. Ершово рассказал членам экспедиции о травле гнуса на Ангаре в 50–60 гг. XX века, предшествовавшей подготовительным ра-

ботам по строительству ГЭС. Информант гнус называл словом «мошка»: «мошки было... страшно. Даже дышать нечем было. Комары, паутины, слепни, маленький паут, мокрец – очень маленький и водится в траве. Мошка располождалась в порогах. Знаменитые Ершовские пороги, там мошка располождалась. С Ленинграда научно-исследовательский институт приезжал в пятидесятых – начале шестидесятых. И потом стали её травить. Мошкодавы их называли. Заезжали выше деревни Закурдаево. Там дворов двадцать было. Там стояла баржа большая с бочками. В ней эмульсия специальная. От Закурдаево порог Шивера, потом порог Бычок, а потом ниже Ершовские пороги. Когда у нас вечером начинается мухота, на Шиверу выезжал катер и начинал выливать эмульсию и травить мошку. Мошка плыла толстым слоем и в этот момент рыба травилась. Едешь... стерлядь, сиг вверх брюхом... А рыбы меньше стало, когда затопление началось. И Родина наша ушла туда...».

Татьяна Васильевна Ведерникова вспоминает: «Жили мы в деревне Аникино.... А там все деревни красивые были. Сгубили нас с этими ГЭСами, теперь и ни туда, и ни сюда. Построили бы хоть к одному месту ближе или к трассе, или к морю ближе. Привезли нас в болото, вывалили нас и всё. Мы же живем то: у нас два метра воды всё время под полом стоит! Всё время! Как зашли, так всё время вода и стоит, отчего мы так и болеем. Тем более, в поселке у нас неизвестно, сколько человек умерло только от рака!»

Виталий Григорьевич Банщиков, уроженец д. Банщиково, где провёл детство, вспоминает: «Деревня Банщиково была красивая, длинная, в одну улицу. Стояла над Ангарой. Тут над горой бани, а огороды – туда... А все скотные фермы стояли в стороне. Очень много скота держали. Даже чернобурок лис держали. За ними два старишка ходили. У нас был свой смоляной завод, кирпичный завод, гнали дёготь. В каждом доме иконки были, а вот часовенки или церкви почему-то не было, хотя даже в маленьких деревушках церкви были... Народ был хороший, дружный, рабочий. Добудут сохатого – делят на всех, рыбу – тоже на всех делят. Может ещё потому, что после войны много осталось вдов. А мужики пришли, кто без руки, кто без ноги. Все легло на нас – пацанов. Придёшь в школу – картошка на нас, ну всё на нас.... Лён и коноплю перестали сеять, когда в магазине ситец пошел, ткань. Можно было столько сил не тратить».

Веру Георгиевну Каморникову в десять лет привезли в Сибирь. По её рассказам, на новом месте её поразило абсолютно все: «Очень много леса, кругом тайга. Новые слова: «куть» – кухня, на печке гобец – там спали. Были заборки расписанные в домах: цветочками, листиками, но, в основном, цветы. Яркие, яркие! Были и ваза, а в ней цветы, во многих домах были расписанные. Те, кто побогаче, покультурнее...».

Владимир Иванович Каморников так же вспоминает об интерьере старожильческого дома: «Заборки были расписные. Цветами расписывали. Птицы тоже были, но чаще цветы. Были заборки высокие, до потолка. У кого покрашена, у кого разрисована, у кого побелена. Сейчас ни у кого нет. Ведь нас оттуда гнали, скорей, скорей! Ничего не разрешали перевозить! Ничего не перевезли, нельзя, ведь новый поселок красивый. Все и сожгли».

Этнонимы

В ходе полевой работы была встречена информация о названиях этноса – этнонимах (в переводе с греч. – «имя народа»). Изучались самоназвания и прозвища русских старожилов района. Иногда жители одной деревни давали прозвища жителям

другой, желая подчеркнуть какую-то особенность. Такие названия – экзоэтнонимы. Как народ себя называет – это эндоэтнонимы.

Названия зачастую кардинально отличаются от того, как этническая группа определяется учеными или окружающим обществом. Например, русские (этноним) в Усть-Илимском районе могли называть себя чалдонами (эндоэтноним), а геологи их называли бурундуками (экзоэтноним).

Все опрошенные информанты сегодня очень редко вспоминают традиционное для старожилов самоназвание «чалдон». Оно имеет несколько значений: 1) человек с Дона; 2) жили между Чалом и Доном; 3) варнак (каторжник). Об этом вспомнила Ефросинья Ивановна Сизых: *«А нас всех по Ангаре чалдонами зовут. У нас и разговор-то чалдоновский: ондяло (одеяло), курма...»*.

Участники первых экспедиций 50–60-х гг. XX века – топографы и геологи – назвали местных жителей «бурундуками». Сегодня все опрошенные информанты говорят о том, что бурундук – это сибиряк, коренной житель Среднего Приангарья. Название «бурундук» означает: запасливый, шустрый, работящий, широколицый, щекастый, похожий на бурундуков.

Галина Михайловна Жмуррова: *«Вот это прозвище бурундуки. Оно не изначальное. Это когда цивилизация пошла, они нас, аборигенов, и назвали бурундуками. Все в дом тащили, как зверек бурундука. А сами-то они себя не называли бурундуками»*. Сидящий на задних лапках бурундук с пятью черными полосами, с хвостом и с черным камнем в передних лапах, изображен на гербе Усть-Илимского района.

Русское население, проживающее по берегам реки Ангары, называлось «ангарцами». Встречается самоназвание и «ангарские водохлебы» (пили много чая).

Во время полевой работы были встречены и другие прозвища жителей сел и деревень: Усть-Вихоревка – «налимы», Седаново – «обмотные» (много говорят, не постоянные, ненадежные). Пашино – «пашинские большероты». Воробьево – «магчены» (пескарь), «дырники». Кеуль – «лодыри». Невон – «конторщики» (была контора). Бадарма – «Бадарма дикая». Едорма – «негры» (загорелые). Тушама – «хлопунцы», Ступино – «кольтякы» (возможно, в этих деревнях проживали семьи по фамилиям Хлопуновы и Кольтяковы). Сизово – «магчены».

«Магчены, на Ангаре рыба такая была, как пескари на живкой служили. Магчены добывали осенью, когда Ангара вставала, тогда их ловили. На магчена ловили налима зимой. Магчены зиму хранили в морде в речке. Вот когда надо, достают там штук десять-пятнадцать. В тиузок берестяный... и идут, налима добывают, им питались зиму. Живая приманка – живец», – вспоминает Ефим Иннокентьевич Зарубин из с. Ершово. Полина Иннокентьевна Панова из п. Эдуранка рассказала: *«магчен – это рыба такая с большой головой и маленьким туловищем, но не пескарь – это сорная рыба. Её есть-то не ели, так, только дети»*.

Ефросинья Ивановна Сизых из д. Едорма рассказала: *«У нас в деревнях по фамилии не называли. Зарубиных называли: «козлята», «савельевские», «булонята»*.

Людей могли называть и по главе рода: «аринины», «ваньчины», «гавриловы», «жаровы», «кириллины», «лукичевы», «прокопьевские», «пескарёвские», «степановски», «спирidonовски», «филаретовски».

Самыми распространенными фамилиями в районе являются Антипины, Анучины, Банщиковы, Ведерниковы, Воробьевы, Зарубины, Жмуроны, Сизых, Ступины, Шаманские.

По сведениям Ефима Иннокентьевича Зарубина из с. Ершово, были и «приискаательские»: *«Ходили на прииски – приискательские. В Бодайбо ходили, предки ходили на прииски, вот поэтому и приискательские... А горбачевские – дед был горбатым»*.

ДОМА

п. Кеуль. Дом середины XX века

п. Кеуль

п. Невон. Дом середины XX века на два хозяина

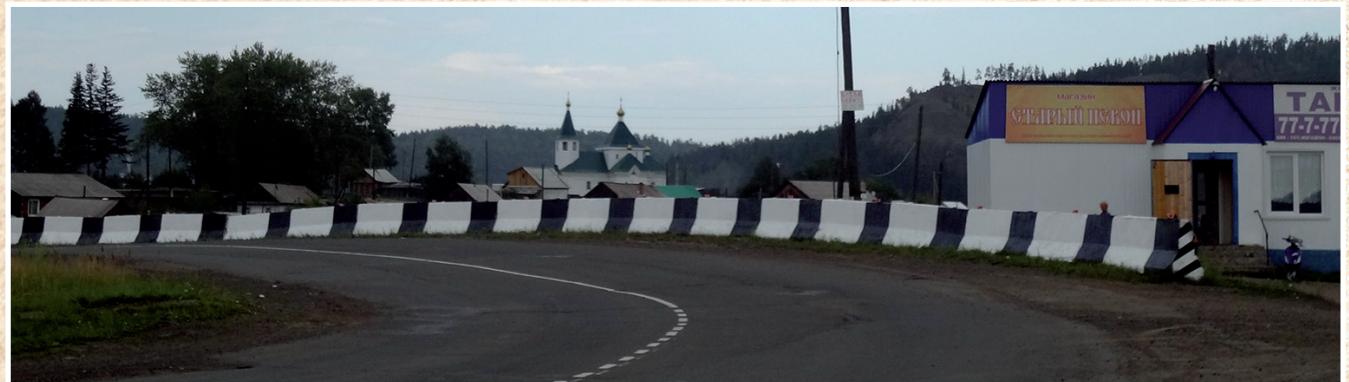
п. Кеуль. Заброшенный двор

п. Невон. Вид усадьбы с улицы

п. Невон. Амбар

п. Невон. Храм Святой Троицы

п. Невон. Жилой дом на берегу Ангары

п. Невон. Жилой дом

п. Невон. Старинный жилой дом

п. Невон. Слуховое окно в виде креста на фронтоне дома

п. Невон. Усадьба

п. Невон. Старинный бревенчатый дом

п. Невон. Двухэтажный амбар. Вид с улицы

п. Невон. Двухэтажный амбар. Вид внутри двора

п. Подъеланка. Угол дома. Рубка в лапу

п. Подъеланка. Угол дома. Рубка в обло или чашу

п. Подъеланка. Поленница

п. Подъеланка. Старинный вид рубки

п. Невон. Хозяйственные постройки.
Вид с переулка.

п. Невон. Усадьба с двухэтажным амбаром

п. Невон. Старинный дом

п. Подъеланка. Старинный дом.
Четырехскатная крыша

п. Седаново. Дом середины XX века с палисадником

п. Седаново. Колодец

с. Ершово. Бревенчатый дом

с. Ершово. Окно со ставнями

с. Ершово. Двухэтажный амбар

с. Ершово. Поветь

ГЛАВА II

ТРАДИЦИОННЫЕ КОМПЛЕКСЫ ОДЕЖДЫ РУССКИХ СТАРОЖИЛОВ УСТЬ-ИЛИМСКОГО РАЙОНА середины XX в.

Русские переселенцы

Русские крестьяне, переселившись в Сибирь, перенесли свой опыт и традиции, трудовые и бытовые навыки. Природно-климатические условия Сибири «поставили» перед ними новые задачи: они должны были приспособиться к местному резко континентальному климату, что заставило их заимствовать тип одеждыaborигенного населения (эвенков, тофов, бурят). Особенно это проявилось в северных тундровых и таежных районах Сибири, местах традиционного проживания эвенков (тунгусов), к которым относится Усть-Илимский район.

По сведениям доктора исторических наук, этнографа Гали Семеновны Масловой, «в местах наибольшего смешения русских с местным населением взаимовлияния в хозяйстве, культуре, языке, а также в одежде гораздо сильнее. К этому приводило сближение путём заключения браков. Эти процессы отмечались и в Приангарье. Степень обрусения местного населения и «осибирячения» русских крестьян-старожилов была разной в разных районах и областях Восточной Сибири» [5, 183].

Одежда старожилов

Об одежде русских старожилов обследуемого района известно очень мало. Экспедиция общей картины выявить не смогла по причине отсутствия информантов, которые могли бы рассказать об одежде первой половины XX века.

Артефакты не сохранились из-за массового переселения старожилов на новые места проживания в связи со строительством ГЭС. По воспоминаниям информантов можно говорить о том, что практически все было оставлено на старом месте жительства. Иногда за ненадобностью, иногда из-за отсутствия транспорта для перевозки.

В ходе экспедиции фотографические архивы, к сожалению, выявлены не были. Одна из причин – частые переезды старожилов из зон затопления. Второй причиной может быть то, что на север Иркутской области редко приезжали городские фотографы. Многие информанты говорили о том, что в их семьях фотографий было мало, а уж старинных, тем более.

Все сведения, приведенные в данной статье, являются полевыми материалами экспедиции, осуществленной Иркутским областным Домом народного творчества в 2014 году.

По назначению женскую и мужскую одежду принято делить на повседневную рабочую, праздничную и ритуальную. В особую группу выделен костюм для охоты и рыбалки, который можно назвать промысловым.

Как отмечает кандидат исторических наук Людмила Михайловна Сабурова, «в одежде русского населения Приангарья, как и в других районах, наблюдались значительные половозрастные отличия. Существенное влияние на одежду оказывали со-

циальные факторы. Обеспеченность одеждой, качество материала, из которого она изготавливались, во многом зависели от экономического состояния хозяйства» [6, 100].

Следует отметить, что в первой половине XX века ткани изготавливались в домашних условиях. Одежды было немного, и ее берегли. Из поношенной одежды взрослых перешивали детям, а из остатков изготавливали кругляши и половики.

Ткани

Одежда в русских селениях по Ангаре до середины XX века все еще изготавливалась из тканей домашнего производства (портянина, посконь, сукно, холст, пониточина) и реже из фабричных покупных. Как вспоминают информанты о старинной одежде: «...все было портяно...». Екатерина Федоровна Банщикова рассказала: «*Мама выткет портяно и платье сошьет. Без нижнего белья, без трусов. Все настирали...*».

Портянина, холщавятинка – это одежда, сшитая из льняного или конопляного холста, тканого в домашних условиях на кроснах. Так, Татьяна Васильевна Ведерниковна рассказала о том, из какого сырья делали одежду: «*Пряли, ткали из конопля, из поскони, лен сеяли. Посконь стелиши по земле, она потом усыхат, а потом ее трепят. Конопле вымачивали в мочищах, а посконь и лен не вымачивали*». Она же вспоминает о том, что в семье каждый принимал участие в процессе изготовления одежды: «*Всегда урок давали, три веретенка – и душа винтом! Пока три веретенка не напрядешь на посиделках – домой не приходи. Чтобы так не болтала, работу давали. А брат у меня хитрый был, с моего клубка намотат и говорит: «Танька, я напрял уже!» За одной прялкой трое сидим. Керосина-то не было, дорога моя... Печку затопим и у печки сидим. Лучину жгли все время березовую*».

Конопляный холст делился на посконный и конопляный. Посконь, по сведениям информантов – это «мужское коноплё». Из него получалась нить, из которой ткали тонкий холст на полотенца, рубахи и исподнее. Из посконной нити делали постигонки для шитья обуви или нити для шитья одежды. Конопляный холст был более грубый. Из конопляных нитей также вили веревки.

Все опрошенные информанты вспоминают, что домотканые холсты красили лиственничной корой (дубом) или тальником для получения практичного и красивого коричневого цвета. Лиственничную кору заваривали кипятком, настаивали, процеживали, и в этом отваре кипятили холст.

Воспоминания старожилов

Занимались рукоделием в основном на посиделках. «*Какие-то раньше посиденки были... в каждой избе. Кто вяжет, кто шерсть прядет*», – рассказывала Нина Петровна Анучина.

Очень часто информанты рассказывают, что одежды до Великой Отечественной войны и после было мало. Денег, чтобы купить одежду, у крестьян не было, ее старались носить бережно. Екатерина Федоровна Банщикова вспоминала: «*Не у всех мужиков штаны были. Жили бедно. Рубахи ниже колен носили. Во время войны обносились, так мама из матрасовок шила Илье костюм. Ну а че! Не из чего было!*» Также был интересен ее рассказ о женитьбе папы: «*Поехал отец жениться, ну как за мамой... Взял штаны у соседа. Ехал, ехал и захотел на улицу. Ну и не привык в штанах то, снял и повесил на березу. А носили большие рубахи длинные. И забыл эти штаны и уехал. Приехал и сидит... А садились перед маткой. А мама потом говорит: «Ой, а че он приехал без штанов? Как же я пойду за него замуж, если штанов-то нет?» Вот как бедно жили! Обратно поехали, он забрал эти штаны*».

Многие информанты в ходе беседы вспоминали о свадьбе и свадебной одежде. Все они, как и Зоя Григорьевна Зарубина, говорили: «*Свадьбу приготовятся и гуляют. Никакой фаты не было, никакого платья – приготовятся и гуляют...*».

Ефим Иннокентьевич Зарубин сказал, что одна штанина была на троих. В это же время появилось выражение «рубаха-перемываха». Так называли единственную рубаху, которую вечером после работы стирали, сушили и утром уже одевали. Зоя Григорьевна Зарубина рассказала: «*Ходим и ложимся в тем, и встаем в тем... И в неделю раз только мылися*».

Издревле время покоса – время праздника. Так Тамара Николаевна Шаманская вспомнила: «*На покос пойдут женищины... оборки, чирки, которые подвязывают, всяки разны накрасят. Красиво пойдут на покос. Женищины наряжались. Я не знаю почему. Платочки наденут беленькие, кофточки у кого получше, наряжаются... Я запомнила, что на покос все так пойдут...*».

Одежду называли лопатиной, а старую, изношенную – ремугой. Из нее перешивали одежду для детей. Из ремуги могли драть, рвать дранки, которые потом на веерене сучили, пряли в нить. Из дранки ткали на кроснах дорожки и вязали крючком круглые коврики для тепла и украшения избы. Полы в домах старожилов были не крашенными, и их скребли железными косарями. Екатерина Федоровна Банщикова рассказала: «*Позднее стали ткать половики, когда мы большие стали, одежды больше и рвется. Тогда уже и в магазине стали продавать*». Нина Петровна Анучина вспомнила: «*...дранки не из чего было драть. Вот, получше стали жить, так и дранки стали драть из тряпок. Старье копили годами, а потом уже ткали*».

Из лоскутов, оставшихся от шитья и ношения одежды, шили покромки для зашивания пеленок. Татьяна Васильевна Ведерникова вспоминает: «*Вот покромку растянем, пеленку положишь, ребенка завернем и покромкой... Покромка была всякая, из чего можешь. Я вот первую дочку родила, так мне ее даже не во что завернуть было. В дедушкину рубаху завернула. А потом вязала кружева, продавала, да и пеленки покупала*». А Тамара Николаевна Шаманская рассказала, что пеленки для ребенка делали из товара (ситца), но редко, по большому блату... в основном сольма, но потом ситец пошел.

Все старожилы в ходе беседы вспоминают об отсутствии возможности приобретения тканей для шитья штор. «*Ничего не было: ни штор... шторки из газет делали. Я на почту схожу, там газеты. Они большие, не то, что сейчас. Шторки вырежем, на тесто прилепляли. Изба-то совсем другая делается. Они со временем почернеют, снимешь и другие делаешь*», – рассказала Екатерина Федоровна Банщикова.

§ 1. Элементы комплексов одежды

Обязательными элементами как мужской, так и женской одежды русских старожилов были сетки-накомарники, спасающие от многочисленного гнуса с весны до осени. Они представляли собой шлемовидный головной убор, закрывающий голову, шею и грудь с личинкой из сетки на лицо. Ефим Иннокентьевич Зарубин рассказал: «*Мошки было, страшно..., даже выйти нельзя было. Сетку наденешь. Сетошник назывался, из ситца. Ситцы появлялись. Чумашек пришит к сетошнику. Сетошник с кошелем... Сетошник оденешь, а сзади кошель получался. И вот в этот кошель, мы все бегали и горох собирали. Детство наше помню...*».

Главную часть сетки-накомарника составляет личинка (чумашек) – сетчатый ква-

драгоценный квадрат из конского волоса. Ткали квадрат на специальном простейшем деревянном станочке из волос конского хвоста в технике «полотняное переплетение». Такой станок есть в экспозиции по этнографии в Усть-Илимском краеведческом музее. Пряди конских волос черного цвета расправляли на станке и переплетали. Тамара Николаевна Шаманская рассказала: «На сетку только черный цвет брали... из конского хвоста. Личинки – на лицо». Личинку обшивали материалом так, чтобы получился шлем, неплотно прилегающий к голове, но наглухо закрывающий шею, грудь, плечи, что исключало доступ насекомых к лицу. На такую сетку расходовалось не более метра хлопчатобумажного материала. Кроилась она клиньями. Центральная часть обшивки, надбровье, украшалось аппликацией из яркого материала в виде чередующихся квадратов и треугольников. Ткачество сеток из конского волоса, по мнению старожилов, очень трудоемкая работа.

Из конского волоса (с грибы) вязали носки-криптоки для охотников и рукавицы-водянки для рыболовов. Также волос шел на изготовление веревок и оборок для промысловой обуви.

Широко бытовало применение меха и кожи домашних и диких животных для шитья одежды, обуви в качестве основного и отделочного материала.

Уход за одеждой

Многие информанты вспоминают, что стирали белье и мылись щелоком. Его изготавливали в домашних условиях из березовой золы, которую брали из печки, просеивали и заваривали кипятком. Настаиваясь, раствор становился мыльным, его сливали и использовали для мытья головы и стирки белья.

Чугунный утюг

Угольный утюг

Угольный утюг

Валек и стиральная доска

Ефросинья Ивановна Сизых рассказала об использовании лиственничной губы в качестве мыла: «в тряпку завязывали ... эту лиственичную губу. Запаривали, она как щёлок становится».

Стирали белье в корытах. «Нас десять человек было, и мама день и ночь работала, а придет и в корыте стирает, всех обстирывает. Когда-то она успевала? Она пойдет, пять соток серпом выжмет. У нее кровь на руках. А прибежит и еще в корыте всю ночь стирает», – вспоминает Ефим Иннокентьевич Зарубин.

Гладили белье деревянным вальком со скалкой или чугунными угольными утюгами. Валек – де-

ревянная широкая и плоская палка с ручкой использовался для стирки и глажки белья. Он мог иметь как гладкую, так и рубчатую сторону. Валек с рубчатой стороной в других районах Иркутской области назывался рубель. При глажении вальком белье наматывали на круглую палку-скалку.

Старожилы были бережливы, а про неопрятных, по воспоминаниям Владимира Ивановича Каморникова, говорили: «Ходит, как февраль, все нараспашку!» Это когда без пуговиц. Или «Ходит, как атымалка, ахридной». Это значит грязный.

Интересными представляются сведения о хозяйственных постройках – амбарам, в которых хранились не только припасы, но и одежда. Амбар мог быть как одноэтажный, так и двухэтажный. Он делился на три или две части: лопатной, мучной или хлебный, ямной или погребной (где был ледник). Иногда ледник располагался недалеко от амбара. В лопатном амбаре хранили одежду (лопатину, лопать) и зачастую летом ночевали.

§ 2. Женская одежда

Одежда сибирских крестьянок делилась на повседневную (рабочую), праздничную и ритуальную.

По сведениям, полученным в этнографической экспедиции, женский костюм старожилов Усть-Илимского района в середине XX века представлял собой комплекс: рубаха исподня (исподница), рубаха верхняя или кофта, верхние и нижние юбки (подъюпошник), передники.

Верхняя одежда: куртка-куфайка, шодиник и жакетка из плюша (плюшевка).

Головные уборы: платки-какетки, полуушалки, косынки.

Обувь: чирки, под них носки из овечьей шерсти или чулки.

На руки одевали варежки.

Украшения: серьги, бусы-коральки и кольца.

По сведениям опрошенных информантов было выявлено, что традиционный для Усть-Илимского района комплекс женской одежды схож с комплексом одежды, бытовавшей к началу XX века на всей территории России. Его называли «городской костюм крестьянки». Он практически полностью заменил широко распространенный в XIX веке сарафаный комплекс.

Городское влияние на одежду крестьянок в конце XIX – начала XX века становится активным. Примером такого влияния могут служить классические стили ампир и модерн. Если в начале XIX века русские крестьянки сарафан повязывали поясом по талии, то с распространением стиля ампир пояс переместился под грудь. Крестьянский сарафан стал напоминать знаменитое платье-шемиз, которое отличалось четким, почти аскетическим силуэтом за счет высокой линии талии (рис. 1).

Для стиля модерн конца XIX – начала XX века был характерен S-образный силуэт. Он подчеркивал талию путем формирования объемного, выступающего вперед

Рис. 1. Стиль ампир

бюста и пышной задней части платья. Юбку для создания такого силуэта шили с особым распределением складок по талии. Впереди складок было не много, а сзади они были густыми. Кроме этого, юбка стиля модерн была «хвостатой». Зачастую перед юбки был короче, чем спинка. Цветовая гамма строилась на умеренных приглушенных тонах: глубокий гранатовый, темно-зеленый, табачный, бронзовый, многочисленные оттенки серого, нежно-голубого и розового. Рукава у плеча становятся огромных размеров, возрождая форму 1830-х годов. Это уже не «окорочка», а «окорока». Талия подчёркивалась кушаком или поясом. В этот период лиф имеет фигурный вырез, в который располагаются вставки или манишки, обильно декорированные складочками или рюшами. Воротничок остаётся высоким и стоячим (рис. 2).

Эти конструктивные особенности перешли и в крестьянский комплекс с юбкой и кофтой, широко распространенный в начале XX века в сибирской старожильческой среде.

По воспоминаниям устьилимских информантов, деревенские жительницы к середине XX века повсеместно носили юбки с кофтами. Во второй половине XX века изготовление одежды в домашних условиях становится не актуальным. Много готовой и более модной одежды уже приобреталось в сельских магазинах.

Во время полевой работы большой интерес вызывали сведения об одежде прабабушек и бабушек информантов. Вера Георгиевна Каморникова в беседе вспоминала о том, как одевались предки:

— Мы жили в деревне Гарминка, ниже по Ангаре, а потом переехали поближе к Братску. Бабушки старые ходили в широких юбках.

[— А одежда у бабушек темная была? — Собир.]

— Нет, не всегда. Вот у меня, у свекровки. Я шила сама кофты. В виде рубах нашью и бабушке сошью, но она любила ярко одеваться! Но были и те, кто по-старинному любил одеваться. Они подвязываются, темненькое что-нибудь, кофта, юбка. С фартуками многие ходили. Не все, но многие. И нарядные были фартуки и такие, которые потемнее. И они не такие были фартуки, а широкие, в виде юбки. Они потом снимают его, а тут все чистенько. И идут куда-то в магазин...».

Нина Михайловна Карнаухова: «Бабушки одевались: были широкие юбки, с оборками были юбки. И две было уборки, и кто сколько нашьет. Кофты, помню, шили. С перелинками называются. Рукава длинные. Ну и всегда были в платках. Так носили платок... назывался кулек. Ну и сверху еще один надевали они. Кофты тоже были с уборками на рукавах, на воротнике. Шили сами. Холст. Что выткали — из того и шили! Материала-то не было! Сейчас-то люди как короли, что мы носим...».

Зоя Григорьевна Зарубина: «Бабушка носила светлую розовую юбку с широкой уборкой, широкую на опушке и с пуговицей. Запоны носили с грудкой и без грудки. С карманами. Война началась, тогда нечего было сильно носить, все бабушкино исшили».

Ефросинья Ивановна Сизых: «... вот мама шила юбки раньше в две полосы на опушке. Начинает опушку, собирает, здесь вот ничего нету (впереди), а вся оборка там, сзади. Мама платья не нашивала. Юбка с кофтой...».

Рис. 2. Стиль модерн

Екатерина Федоровна Банщикова: «*Юбка в пять полос, широкая, с опушкой. Без карманов. Черная, коричневая, а праздничная – голубая. Кофты и розовая, и черная, и голубая. Иногда черную юбку с черной кофтой одевала, иногда разные. По-разному одевали*».

Ефим Иннокентьевич Зарубин: «*Бабушки ходили в портнянике. Моя бабушка одевалась по-деревенски. Одежда была не такая, как сейчас, хлопчатобумажная, ситец, а была одежда самотканая. Длинная юбка. Ткали из конопли. Сеяли коноплю гектарами, потому что тогда было все из конопли буквально... Мешки из конопли. Брюки, штаны из конопли, но там отдельно делали коноплю, ее выхолащивали. И даже сбруя была, постремки, веревки, все-все было из конопли. Ее мяли и вычесывали. Стрепки шли на мешки, мешки ткали, а вычесанный этот... конопля, ее пряли в пряжу веретеном и потом ткали. Потом вымораживали, потом на речку ходили на лед расстиливали, вальком отбивали. Утюгов не было, валек – круглая палка такая – на нее наматывали, и вальком! Валек рубчатый был. Коноплю каждый хозяин себе садил у себя в огородах. Лен садили, но он у нас не приживался. Самые хорошие сорта садили, и землю самую хорошую, а вот не приживался. Он рос, но маленький был*».

Молодые женщины и девушки носили кофты приталенные, а женщины старшего возраста кофты свободного покроя. Носилась кофта поверх юбки. Одежду зачастую шили сами на руках или на швейной машинке.

Юбки в основном были длиной до щиколотки, присборенные на талии, на опушке (поясе) или на кулиске со шнурком-гашником, хвостатые (с густой сборкой на спине), с внутренними карманами или без них. Декором могли служить файборы – полосы ткани, собранные в сборку и пришитые к юбке. Кофты и юбки украшали кружевами, тесьмой, бисером, блестками (пайетками) или небольшой вышивкой. Пуговицы нашивали посередине кофты, по горловине и по рукавам.

При шитье одежды принимался во внимание возраст. Девушки и молодые женщины пользовались яркими цветными тканями. Пожилые женщины шили себе парочки более скромных, тёмных расцветок.

Повседневные, рабочие кофты с юбкой, а также нижнее белье (исподницы) шили из холста – конопляной или льняной ткани домашнего производства. Екатерина Федоровна Банщикова рассказала: «*Исподница была юбка, сшитая серенькая из холста, или белая, с резинкой. Иногда кружева свяжешь и пришьешь. Я до двадцати лет без трусов ходила, трусов-то ни у кого не было!*» Михаил Васильевич Зарубин вспомнил, что кофты были в «сарапинку» (крапинку), а Галина Михайловна Жмуро-ва рассказала о кофте, сшитой из холста, которую старожилы называли «фимочка», но как она выглядела, информант не знает.

Кофту с юбкой носили с нагрудной или поясной одеждой: передниками, фартуками и запонами разных фасонов. По воспоминаниям старожилов, не все носили фартуки. Так Ефросинья Ивановна Сизых сказала в беседе, что она никогда фартук не носила.

Фартук или передник без грудки крепился на талии завязками. Запон был обязательно с грудкой, карманом, или без него и крепился завязками на талии и шее. Екатерина Федоровна Банщикова вспомнила, что запоны были с грудкой. Завязывали на шее, к грудке пришивали фартук с борочками и с карманом. Запоны прямые были, с одним карманом. Были больше черные.

Татьяна Васильевна Ведерникова рассказала: «*Моя мама широких запонов не носила. Да у нас в деревне ни у кого не было широких. У нас запоны были с кружевами*».

К женской верхней одежде относится куртка-куфайка, шодиник и жакетка из плюша (плюшевка).

Куртка могла быть «ветошенная» (простеганная). Екатерина Федоровна Банщи-

кова рассказала: «У нас были куфайки. Сами ветошили из конопляных стрепок. Конопле-то минут и стрепки тамака. Вот эти стрепки и ветошили. Уже не такая теплая, конечно. Стрепки колючие, сверху ткань сделаешь темную плотную, а там сатин черный. Куфайки с кармашком или с двумя кармашками на машинке пришивали».

Татьяна Васильевна Ведерникова рассказала, что женщины в холодное время носили шодиники: «Из льна выткалаешь холст, пробеленный на льду. Белый – наверх. И под низ из коровы начаешь эту шерсть, напрядешь, соткешь. И под низ поддернешь его. А еще посменки. Ты наденешь, погуляешь, прибежишь, сымешь и другому отдашь. И он сбегает, покатается, поиграт. Шодиники шили на руках».

В послевоенные годы в моду вошли сшитые из черного или коричневого плюша жакетки-куртки, называемые плюшевки.

По сведениям Ефросиньи Ивановны Сизых, в весенне-осенний период женщины носили однорядки из домотканого сукна с воротничком без подклада.

Ефросинья Ивановна Сизых вспомнила о верхней одежде, которую называли «сак»: «Был он из черного сатина или не блестящего мелестина весенне-осенний. Сачок шился по фигуре, как куртка приталенная, без воротника, без всего. Как популально до середины бедра, на пуговицах, на подкладе, не ветошенный. Я еще застала, на вечерки ходила».

Самыми распространенными в середине XX века женскими головными уборами были платки и косынки, завязанные разными способами. Косынкой женщины повязывали голову концами назад, тщательно убирая волосы. Сверху на косынку могли надевать еще один платок, завязанный концами вперед. Косынки и платки были ситцевые и кашемировые. В зимнюю пору для тепла пожилые женщины повязывали шали и полуушалки покупные или изготовленные в домашних условиях. Екатерина Федоровна Банщикова рассказала о способах ношения платков: «Платки носили. А еще так сверху бабушка прихлопнет, как бы «домик» делала и под подбородком завяжет...».

Ефим Иннокентьевич Зарубин рассказал, что женщины шапок не носили, а носили только платки. У каждой была своя манера завязывания платка.

Все опрошенные старожилы района красивые большие платки с цветочными рисунками и кистями (как павлопосадские) называли «какетками»: Банщикова Екатерина Федоровна: «У нас большие кашемировые платки называли катетки».

Нина Петровна Анучина вспомнила разговор с мамой:

- Мама, у тебя катетки были?
- Были, доча.
- А где они?

– Так сносили. Носить-то нечего было, и вот все износили! Даже нам ничего не оставили. Я говорю, что мама нам на память даже ничего не оставила. А катетка – это цветной платок кашемировый с кистями. Только с кистями.

Ефросинья Ивановна Сизых: «Платки носили все, какетки праздничные, кашемировые, алые, красивые, с цветами и кистями. У нас у мамы была шерстяная черная какетка, но на одном углу было вышито».

Женская обувь в XX в. не была разнообразной по материалу и по внешнему виду. К традиционной кожаной обуви относятся чирки. Женские чирки отличались от мужских высотой опушней и колоритом оборок. Опушень (кулиска) была из сукна, холста, покупного материала, в который вставляли оборки женских чирков. Опушень был короче мужских на 3–5 см, а оборки длиннее и ярче. Оборки для чирков могли плести косичками, вить или ткать на деревянном станочке бердо.

Чирки шились мужчинами, отцом или дедом в домашних условиях. Выкраивали заготовки из кожи с помощью деревянных лекал-наметов. Шили конопляными нит-

ками-постигонками и «садили» заготовки на деревянные колодки из березы или ели.

Есть сведения, что мужские ичики носили и женщины. Татьяна Васильевна Ведерникова: «*И женщины носили ичики. Вот я пять лет ходила в леспромхоз. В чем? Конечно, ичики*».

Во все виды обуви клали стельку из сена, соломы или шелковника. Нина Петровна Анучина: «*Стельки делали из соломы пшеничной или овсяной. Из аржаной – нет. Из ячменной – нет. Она грубая. Накладем стельки, день проходим и все, вытаскиваем. Если она ниче, стелька-то, и на завтра еще. А если уж смотрим, что плохая, заменяем. Этую в печку, другую накладываем*». Ефим Иннокентьевич Зарубин: «*В чирки стельки клали из травы. Трава называлась шелковник. И заготавливали ее осенью. Делали также или из сена, или из соломы. Из сена мало делали, в основном из соломы. Соломы навалом было*».

Обувь носили с носками, изготовленными в домашних условиях. Вязали их на пяти иголках (спицах) из овечьей, коровьей, реже собачьей шерсти. Татьяна Васильевна Ведерникова: «*А вот из шерсти коровьей навяжешь носки и одеваешь, а волосяные это – крипотки. У лошадей гриву состригали, вязали. Ходить-то в чем было? Чирки-то все время рвутся, кожу не давали. А попочиняешь, попочиняешь, а тут сверху оденешь крипоток и все: и ноги сухие, и чирки не мокнут*». Екатерина Федоровна Банщикова: «*Из конского волоса носки-крипотки вязали. Я ходила в школу в них. Они же не теплые, колючие. Надену, и ноги мерзнут. А у собак охотничьих пуху нету*».

Для ношения в зимний период женщины вязали на пяти иголках или крючком чулки, длиной чуть выше колен из пряденной в домашних условиях шерсти овец. Татьяна Васильевна Ведерникова: «*...связаешь чулки, да с рисуночком или дырочками*». Ефим Иннокентьевич Зарубин: «*Бабушки носили чулки. Из овечьей шерсти вязали. Чулки вот так оденут, чуть выше колена подвязки. А там все голо. Чулки вязали деревянными иголками. Иголок-то не было. Вытасчивали и деревянными иголками вязали (спицами)*». Поддерживались чулки завязками из ткани. Наряду с чулками использовали платки, обматывая ими ноги. Летом ноги берегли от гнуса, поэтому шили чулки и голяшки из портянины. Ефросинья Ивановна Сизых рассказала, что на сенокос и женщины носили шкеры.

Для зимы вязали рукавицы-варежки на пяти иголках из шерсти домашнего производства. Повсеместно в районе было распространено одноигольное вязание. Одной иглой (костяной, деревянной или металлической) вязали женщины вареги (тип рукавиц). Для вязания использовали овечью шерсть, пряденную в домашних условиях.

Женскими украшениями были серьги, кольца и коральки – стеклянные бусы разных цветов. Девочки делали коральки из ягод шиповника, семян дикорастущего пиона, у местного населения называемого марыин корень и из вороньих ягод. Екатерина Федоровна Банщикова рассказала: «*С вороньих ягод делали коральки. Сразу-то красиво, а потом почернеют и выбрасываешь. И из марыиного корня делали*».

§ 3. Мужская одежда

Мужская одежда делилась на повседневную (рабочую), праздничную и ритуальную. Рабочую одежду чаще всего шили из домотканого холста, покрашенного лиственничной корой, а праздничную из покупных тканей.

В комплекс мужской одежды старожилов середины XX века входили: рубаха исподня, рубаха верхняя, штаны, нижние портки-исподки.

Верхняя одежда: курмушки, шодиники, зипуны, дохи.

Шапки (в основном ушанки), пояса, кушаки и ремни.

Обувь: мужские чирки, ичики, сапоги, кульмишки, бокари, лабуты, под них носки или онучи. На руки надевали варежки или одноигольные вареги.

В процессе экспедиции ни одного образца традиционной рубахи встреченено не было, но многие информанты вспоминали о том, что носили рубахи-косоворотки. В XX веке появляются рубахи-косоворотки с воротником-стойкой, с прямым столбиком и втачными рукавами. Шили их из различных материалов как домашнего, так и фабричного производства. Рубахи с отложным воротником появились позднее. Праздничные рубахи могли украшать пуговицами, тесьмой или вышивкой.

Поясной одеждой были штаны, шаровары, нижние портки-исподки. Позднее появляются брюки. Штаны и портки шились на кулиске с продернутым в нее гашником-шнурочком. Ефросинья Ивановна Сизых: «Шаровары осенне-весенние шили, летом – сатиновые». Виталий Григорьевич Банщиков: «Ватники – ватные брюки. Их так и называли ватники. Какое сукно попадалось – из сукна шили».

Верхней мужской одеждой служили: курма, шодиник, зипун, доха. Ефим Иннокентьевич Зарубин: «Курма – охотничья одежда. Суконняя. Шодиник тоже как курма, но куртка короче». Виталий Григорьевич Банщиков: «Курмушки носили все. Мужики особенно. Шодиники и шабуры – такого у нас не было. Зипуны были холщовые, типа как халат». Ефросинья Ивановна Сизых: «Курмушка – это ватняя одежда, фуфайка. Ватники носили, их уже продавали в магазине. Шили сами однорядку из сукна. Весной-летом тоже надо, в тепломходить не будешь». А Екатерина Федоровна Банщикова вспомнила: «Мужики носили полупальто».

Из собачьих или медвежьих шкур мехом наружу шили длиннополые дохи. Тулупы из собачьей или овечьей шкуры шили с большим воротником и одевали зимой для дальних поездок.

Зимними головными уборами служили шапки-ушанки из меха различных животных (лиса, заяц, белка, овца).

Сибирские старожилы в основном носили пояса, сотканные на кроснах или бердечках. Для ткачества поясов использовали шерсть домашнего производства, окрашенную природными или анилиновыми красителями. Татьяна Васильевна Веденникова: «Кушаки и пояски были всякие. На кроснах ткали и были круглые. Были розового цвета». Брюки мужчины чаще всего носили с кожаными ремнями.

Традиционной мужской обувью в XX в. были чирки мужские и ичики. Мужские чирки были с высокими, до 20 см и выше, в основном с суконными опушнями и оборками темных цветов. Для жителей Усть-Илимского района характерно ношение обуви, изготовленной из оленьей кожи и замши: кульмишки, бокари, лабуты. Ефросинья Ивановна Сизых: «Из замши шили лабуты, они как мужские чирки. Они легоньки. Бокари из оленины». Виталий Григорьевич Банщиков: «Чирки, ичики, а кульмишки делали только из оленьей шкуры. Они желтые были. Нас, мальчишек, заставляли кожу мять. Человек шесть – так это ад был! Тяжело». Нина Михайловна Карнаухова: «Шили кульмишки из лосины. Такие белые... Бурочки шили из лосины с холстом, верх из холста».

Нина Михайловна Карнаухова рассказала, что валенки не носили, не было: «Овец-то не было, не держали. Не из чего было катать. Я даже и не помню, когда они появились. Я в школу ходила в чирках».

Во все виды мужской обуви клали стельки из сена, соломы или шелковника.

Носили обувь как с портянками (онучами), так и с изготовленными в домашних условиях носками. Для зимы портянку делали из сукна, летом из более тонких тканей, например, домашнего конопляного холста.

Татьяна Васильевна Ведерникова: «*Онучки были всякие: и льняные, и из коровьей шерсти. Даже из коров шерсть чесали, пряли, носки вязали и на фронт отправляли. Из конского волоса носки вязали. Чирчишички маленькие наденешь рваненькие, а сверху носок. Наденешь, и нога не мерзнет. Носки назывались крипотками. Охота покататься, а они не катаются.*

В зимнее время старожилы носили одноигольные вареги или кокольды с прорезью на запястье. Рукавицы-мохнатки из собачьего меха шили мехом наружу. Ефросинья Ивановна Сизых рассказала: «*Кокольды вязали с прорезями на пяти иголках. Потом обшивали полусукном для прочности. И собачьи мохнатки у всех были. Одноигольные рукавицы все вязали: и мама, и бабушка. А мы не научились, только спицами. А потом все повыбрасывали. Вязали на шесть или на девять ниток. На шесть тонкие, на девять толстые получались. Большие на шесть делали, а на девять сильно толстые.*

§ 4. Промысловая одежда

Особенно ярко проявилось влияние культуры эвенков на культуру русских старожилов северных районов Иркутской области в комплексах одежды для охоты.

Полунатуральное ведение крестьянского хозяйства обусловило шитье одежды из домотканины, а также из шкур домашних и диких животных. Особенно широко использовались собачьи шкуры: из них шили повседневные и праздничные дохи, охотничьи нагрудники, носки, рукавицы.

Охотничий промысловый сезон начинался с 14 октября (праздник Покрова Богородицы). Владимир Иванович Каморников: «*Осенняя охота – на промысел, на пушину. Мы и жили за счет этого. Сдавали заготовителям. Были такие, которые не охотились.*

Есть любители, есть промысловики. Сезонные охотники сегодня с 15 октября по 28 февраля. На соболя нет смысла в другое время ходить. Он не выходной.

Рыболовством местное население занималось почти круглый год.

В ходе полевой работы были встречены сведения о сендухе и выборе собак для охоты, которые оказались интересными. По сведениям Ефима Иннокентьевича Зарубина «*сендух – это ночевка в лесу. Вот идешь, темнеет. Уже чувствуешь, что не дой-*

д. Подъеланка. Каморников В. И. и Мельникова Л. М.
Фото Таратутова В. А.

Зарубин Ефим Иннокентьевич,
с. Ершово

собака или не рабочая. Она к зимовью тянеться, или к корыту. Тоже самое – человек. Хотит работать, так работает. Как у человека есть способности – работает. Одна идет на медведя. Вот у меня не медвежьи. Так медведь рявкнул, они обое убежали домой. Вот походи с такой собакой! Пришел их обоих щелк-щелк. Таких не надо... А если собака ходит по капканам, ее отучают. Яставил ложный капкан. У меня была собака. Она ночью ходила по капканам, по путникам. Кобель лежит, а она ночью сходит, полазит по капканам, по наруживкам. Потом придет и ляжет рядом с кобелем. Потом я усек, ложный капкан поставил. Она в него попала. Ночью слышу – завизжала. Вот подруга, где воровка нашлась! С факелом подхожу. Я когда из капкана выпускал, так сдавливал. Утром пошел охотиться, она не пошла. И она ушла. Ну, думаю, что домой ушла. На второй день смотрю, подкатаивает, глаза закрыла. Все – отучил! Она потом смотрит, где капкан, ложится: иди посмотри, а я потом пойду! Она потом хорошо работала. Звали Торба.

Примерно с восьми месяцев собаку приучают к охоте. И не каждая собака начинает сразу работать. Иная только с третьей, четвертой осени. Выбрать собаку очень сложно! Вот некоторая старается, а толку нету, даже на готовую белку не лает! Нету тяму у нее, ума нет, не соображает. Вот осень ждешь. На вторую осень где-то с белкой сбежалась, она раз – и все! У нее словно что-то расцепилось, и пошла работать! Тяв-тяв и все! И на соболя также. Были и такие, кто только на

дешь до зимовья. Ищешь, где дрова сухие есть, костер разводишь. Собак потом накормишь. Куряшки, какие белки есть. Белку ободрал, шкурку сложишь. Куряшки бросишь, они поели и все. Сам себе спать... Можно даже шалаши сделать. Костер развел, земля нагревается. Чурочки вырубил, положил на них лежки, земля-то прогрелась, а рядом второй костер жгёшь на ночь. Все тут греет, и снизу греет. Место ищешь, чтобы дрова были. Дрова будут, а продукты с собой носишь.

А про собак... так собаки в основном были лайки. Всякие были, смешанные. Могла быть и не сибирская лайка, а тоже хорошая собака. Простая собачка. Иной раз даже не подумашь, что она может работать хорошо, а работает.

А в деревне там, в Ершово, там своя порода была. Ниоткуда народу не было, наплыvu не было. Собак отбирали отборных. Допустим, у тебя собаки звериные, сохатиные, а у меня соболиные. Мы их скрещивали. Делились собаками. Породу-то ниоткуда не привозили. Она особенная, потому что ни с кем не скрещивалась. А сейчас все переродилось и все... У лайки не обязательно хвост колечком.

Я своих собак выводил всегда. Когда щенков смотрели, у каждого свои приметы были. И их не рассекречивали практически. Не всегда получалось определить собаку, но с первой осени определялось: рабочая

белку или только на соболя. Две-три собаки держал. Больше не держал. Но другой раз она и на все идет: на белку, соболя и зверя... и на медведя! Это редкая собака. Каждый охотник свою породу выращивал».

Владимир Иванович Каморников рассказал: «*Были люди, которые по нёбу собаки читали, какой собака будет. До сих пор читают, по резцам, по рисунку на нёбе, нёбо должно быть темным. Обязательно на первом резце должен быть пузырь. И на черепе шишка – тогда за глухарем будет ходить. Если собака ходит за соболем, то держали это в большом секрете. И щенков не давали».*

Вместо рюкзака охотники носили «жучери» – небольшую деревянную плоскую доску с веревочками-ремешками. Делали их в основном из березы. Предназначены жучери для переноса необходимых в дороге вещей или добытого пушного зверя (белка, соболь). Они имели крючок для подвешивания ружья. Практически все опрошенные информанты вспоминают про название «жучери», но Ефросинья Ивановна Сизых рассказала, что в Едарме (Нижнеилимский район) была поняга, а не жучери.

По снегу охотники ходили на лыжах. Были они двух видов: голицы и лыжи камасинны. Голицы – лыжи, не подбитые камусом (мехом с ног сошатого или олена). Камасинны – лыжи, подбитые камусом, что позволяло охотнику не съезжать назад. По сведениям старожилов, лыжи делали не все, предпочитали отдавать умельцам. Приклеивали камус рыбьим клеем, который по рассказам Нины Михайловны Карнауховой делали так: «*Клей варили из курлуга, плавательного пузыря красной рыбы. Пузыри высушат, разобьют, зальют водой, а потом варят на малом огне, чтобы однородная масса была. Сильно пахло, когда варили. Клея готовили столько, сколько нужно было. Если он затвердевал, то его выбрасывали».*

а) Комплекс одежды для охоты

В комплекс одежды для охоты входили: рубаха исподняя, рубаха верхняя, брюки, штаны, нижние портки-исподки.

Верхняя одежда: курмушка из сукна.

Шапка-ушанка из меха с куском ткани на затылке, который оберегал от кухты (снег, падающий с веток деревьев), кушаки, пояса и ремни.

Обувь: мужские чирки, ичики.

На руки надевали рукавицы-мохнатки, кокольды и одноигольные вареги.

Обязательным компонентом любого комплекса были рубаха и штаны из домотканого холста или из покупного товара. Рубахи шили с прямым или косым левосторонним разрезом ворота и, как правило, с втачными рукавами. На холщовые исподки охотник надевал штаны из домотканого или покупного сукна. По воспоминаниям Владимира Ивановича Каморникова: «*Отец ходил на охоту в сукне, мать шила».*

Верхней одеждой охотнику служила курма. Это одежда типа куртки, полупальто, длиной выше колен из домотканого или покупного сукна. Владимир Иванович Каморников вспоминал: «*Курмушка – это суконная мужская куртка*». Павел Григорьевич Кузнецов: «*Курмушка – это легкая телогрейка. В курмушках белочали осенью*». Могли надевать и зипун из холста или сукна.

Владимир Иванович Каморников вспоминает, что шарфы охотники не носили. С ними было неудобно.

Головным убором охотнику служила шапка-лесовушка из меха. Сзади к шапке пришивали кухтарку – кусок ткани, чтобы кухта не попадала за воротник охотнику. Кухтарка, по сведениям информантов, могла быть не только из холста, но и из сукна

или брезента. Нина Михайловна Карнаухова вспоминала: «*А вот еще для охотников шапка-лесовушка, а к ней пришивалась кухтарка, чтобы шею закрывать, ведь с дерева снег, когда они берут пушину. Кухтарку делали из любой тряпки, только чтобы шею закрывала. Лесовушку одевали только в лес*».

Рукавицы-кокольды (коколды) шили из шкур лося мехом внутрь и суконные с разрезом на запястье с внутренней стороны. Разрез на рукавицах помогал легко освобождать руку, не снимая их. Павел Григорьевич Кузнецов говорил: «*Коколды – это с лосины*». Владимир Иванович Каморников вспоминал: «*Коколды носили. Обычная суконная рукавица с отверстием для руки на запястье. Туда надевали исподки вязанные*».

В зимнее время на промысле носили рукавицы, называемые вареги или исподки. Вместе с варегами носили рукавицы из меха собак или диких животных – мохнатки, которые шились мехом наружу. Держались вареги и мохнатки на специальных веревочках – темляках. Владимир Иванович Каморников говорил: «*Мохнатки – рукавицы собачьи*».

Обувью охотнику служили мужские чирки с высокими, до 20 см. суконными голышками-опушнями. Вся охотничья обувь, по сведениям информантов, шнуровалась кожаными сыромятными ремешками-оборками. Кроме чирков и ичигов, охотники могли носить лабуты (как мужские чирки, сшитые из замши) или кульмишки (мягкая мужская обувь из лосиной шкуры). Носили кульмишки только в сухую, морозную зимнюю погоду. Владимир Иванович Каморников: «*Кульмишки носили в мороз. Они боялись воды. Очень теплые. Выделанная шкура лося, из нее шили*».

Стельки для зимней обуви часто делали из войлока. Специально для зимы шились носки из меха собаки мехом вовнутрь и вязались на пяти иголках теплые шерстяные носки из домашней овечьей пряжи.

На охоту с подходом-скрадом часто надевали крипотки. Владимир Иванович Каморников: «*В крипотках нога не мерзнет. Портянки одевали, а потом крипотки. Они не мокнут. Когда вода замерзала на крипотках, ее отстукивали. Мыши их не трогают. Все грызут, а их не трогают. Их надевали осенью и скрадом охотились, например, на глухаря*».

Павел Григорьевич Кузнецов: «*Охотничья одежда хранилась в лопатном амбаре, а там, где завозня, там был подвал, ледник*». Владимир Иванович Каморников: «*Одежду хранили в амбаре лопатном, чтобы не было ни дыма, ни запаха*».

б) Комплекс одежды для рыболовства

В комплекс одежды для рыбалки входили: рубаха исподняя, рубаха верхняя, брюки, ичики с портнянками или носками, накомарник. Традиционной обувью рыбаков были чирки, позднее их заменили резиновые сапоги. По разрозненным и единичным сведениям, полученным от информантов, можно говорить об использовании рукавиц-водянок (волосянок) для рыбалки в холодное время года. Ефим Иннокентьевич Зарубин рассказал, что «*из конского волоса вязали носки, рукавицы. А рукавицы эти или, когда на выездку ходили рыбу добывали... стерлядь. Они не промыкали, воду не держали. Не обледеняли. Рукавицы называли «волосянки». Вязали одной иголкой волосянки*».

Женщины могли использовать для рыбалки мужскую одежду. Банщикова Екатерина Федоровна про военное и послевоенное время рассказала: «*Рыбачить запрещали. Я пойду, кишки от щуки и максы куплю. Мне бабушка денег даст. Она их вычистит, и мы ели. Мы еще года два после войны плохо жили. Если поймают на рыбалке – посадят. Потом уже морды стали ставить и рыбачить. Рыбы было много: и щуки, и налимы, и ельцы. А сейчас в Эдучанке нет рыбы...*».

ОДЕЖДА

Рукавица на темляке

Одноигольные коколды
из овечьей шерсти

Крипотки из конского волоса

Одноигольные коколды на руке

Крипотки. Фрагмент.
Вязание на пяти спицах

Накомарник-сетка

Накомарник-сетка. Украшения

Колодки для обуви

Ичики

Ичики с заплаткой

Мужская обувь

Мужские чирки

с. Ершово. Ичики

Мужские кульмишки

Переселенческие лапти

Чирки женские. Чирки мужские с опушнями из лосиной кожи

ПОЛОТЕНЦА, КРУЖЕВА

Полотенце. Фрагмент
верхошовной глади

Полотенце. Фрагмент.
Вышивка болгарским крестом

Конец полотенца. Фрагмент.
Вышивка крестом

Полотенце

Полотенце. Изнанка.
Гладь верхошовная

Полотенце.
Первый конец

Полотенце

Полотенце. Вышивка гладью

Полотенце. Изнанка.
Гладь верхошовная

Полотенце с одним
концом

Полотенце. Фрагмент.
Кружево

Конец полотенца. Кружево, связанное крючком

Полотенце. Фрагмент. Кружево

Скатерть, вязанная крючком. Фрагмент

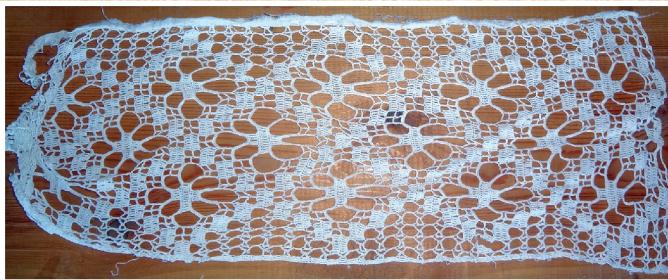
Скатерть, вязанная крючком

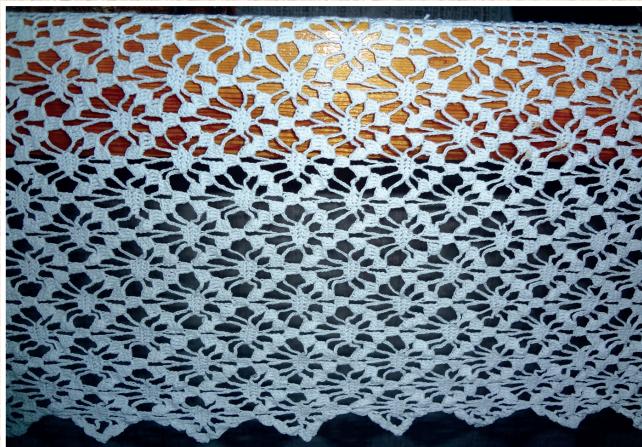
с. Ершово. Скатерть

Скатерть. Фрагмент.
Вышивка крестом

Прошва для подушки

Кружева для подзора на кровать. Фрагмент

Кружева для подзора. Фрагмент

Кружева для подзора. Фрагмент

Кружева для подзора. Фрагмент

Кружева для подзора. Фрагмент

Кружева для подзора. Фрагмент

Подзор, вышитый с кружевами

Кружева для подзора.
Фрагмент

Кружева для подзора.
Фрагмент

ДОРОЖКИ, ПОЛОВИКИ, КРУГИ

Кросна - ткацкий станок

Кросна

Дорожка на кроснах

Подножки от кросен

Дорожка. Общий вид

Дорожка, сотканная
клетками

Дорожка

Тканые дорожки

Половик из двух дорожек

Дорожка

Дорожка

Дорожка

Дорожка

Дорожка

Шерстяные коврики

Тряпичный коврик

Тряпичный коврик.
Вязание крючком

Тряпичный коврик

Тряпичный коврик

ПРЯЛКИ, СТАНКИ

Прялка составная с веретеном

Прялка составная.
Фрагмент соединения

Прялка составная.
Фрагмент

Прялка составная
с веретеном

Прялка составная с рогатиной.
Вид сверху

Прялка составная с рогатиной.
Фрагмент донца

Прялка составная с
рогатиной. Вид сбоку

Прялка составная с рогатиной.
Фрагмент рогатины

Прялки корневые.
Справа – составная

Прялки корневые.
Фрагмент

Веретена

Веретено

Чески

Прялка-колесуха
вертикальная

Прялка-колесуха

Прялка-колесуха

Прялка-колесуха

Прялка-колесуха

Прялка-колесуха

Прялка-колесуха. Фрагмент колеса

Машинка швейная ручная
с горизонтальным челноком

Машинка швейная
«Подольск»

СУНДУКИ

Сундук

Сундук. Вид сбоку

Сундук. Фрагмент. Вид спереди

Сундук

Сундук. Фрагмент. Вид спереди

Сундук

Сундук

Сундуки

Сундук. Вид изнутри

Сундук. Фрагмент декора

МЕБЕЛЬ

Деревянная кровать

Изголовье кровати

Спинка кровати

Кровать детская

Традиционное
убранство кровати

Кровать. Покрывало с под-
зором в технике «ришелье»

Лоскутное одеяло

Свeteц

Столик угловой
треугольной формы

Зеркало. Фрагмент

Зеркало настенное
в деревянной раме

Пила. Рыболовная сеть. Коромысло

Коромысло

Коромысло расписанное. Фрагмент

Коромысла

Дуга и хомут

Хомут

Ботало

Седла

Подковы

Часть упряжи из конского
волоса

Упряжь из конского волоса.
Фрагмент

Пила-ножовка

Гвоздь-самоковка

Ножницы
для стрижки
овец

п. Подъеланка. Фрагмент экспозиции
в библиотеке

Салазки-санки

п. Подъеланка. Фрагмент экспозиции
в библиотеке

п. Подъеланка. Фрагмент экспозиции
в библиотеке

Жучери

Жучери. Фрагмент

Жучери. Фрагмент

Жучери. Фрагмент

Жучери. Фрагмент

Жучери. Лицевая сторона

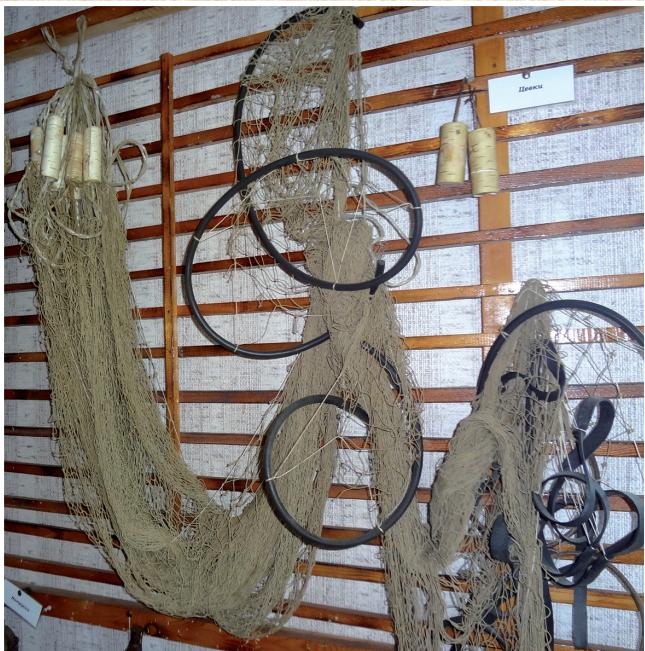
Натруска для хранения пороха

Натруска

Жучери. Изнаночная сторона

Рыболовные сети

Рыболовная сеть. Фрагмент

Острога

Рыболовные снасти

Рыболовные крючки

Морда

Фитиль

Острога

ГЛАВА III

НАРОДНАЯ ТРЯПИЧНАЯ КУКЛА

История русской народной куклы полна мифов и противоречивых сведений, но многое сегодня известно: издревле куклы делались для обрядов и на оберег детей, жилища, здоровья, богатства. В настоящее время куклы стали выполнять другие функции: игровые, сувенирные, коллекционные и авторские. Идёт время, один исторический процесс сменяется другим, изменяются технологии, и народная кукла занимает качественно иное место в обществе.

По мнению историка, этнографа, профессора РАН Александра Васильевича Черных, «кукла – универсальный предмет в культуре любого народа, обладающий множеством различного рода функций, от детской игрушки до заменителя человека в ритуалах народной медицины, олицетворения духов предков, воплощения демонологических персонажей. Сегодня интерес к традиционной кукле обусловлен и общим интересом к традиционной культуре, а кукла выступает микрокосмом, наглядной и синкетичной моделью этой культуры. В настоящее время, когда многие элементы традиционной культуры невосполнимы, обращение к традиционной кукле позволяет компенсировать эти утраты. Куклы являются собой традиционные технологии народного ремесла, представляют образ народного костюма и эстетики. Представления о кукле составляют органичную часть народного мировоззрения, богатая терминология – языка. Кукла задействована в игре и обряде, кукла – явление народной педагогики, в ней комплекс представлений о социуме – социальных ролях, семейных и родственных коллективах и функциях. Поэтому именно она – один из немногих феноменов, которые позволяют составить целостное представление о культуре» [8, 5-6].

Народная кукла русских старожилов Иркутской области является объектом внимания специалистов Иркутского областного Дома народного творчества уже не первый год. Исследование особенностей бытования традиционной тряпичной куклы русских старожилов на территории района – одна из основных тем экспедиции, ведь практически все тряпичные куклы несут в себе информацию о генетической памяти её владельца и представляют интерес для этнографа.

В исследуемый период с 20-х до 50-х годов XX века в Усть-Илимском районе игровая кукла была распространена повсеместно. Старожилы помнят о том, как они в детстве играли в куклы, но кукольные конструкции вспоминают с большим трудом. Ни одной куклы в ходе экспедиции сделано не было.

Отличительной чертой является то, что обрядовая и обереговая куклы лица не имели, а игровая была уже с лицом. Его рисовали угольком или химическим (фимическим) карандашом, а щечки и губки раскрашивали свеклой. Куклам давали имена. Играли в куклы чаще всего девочки. Они моделировали в игре картинки семейного быта, «примеряли» на себя роль мамы, «воспитывая» своих кукол. В игре формировалась будущая мама и хозяйка дома.

Информанты, рожденные до Великой Отечественной войны, такие как Татьяна

Васильевна Ведерникова, свое военное детство вспоминают: «*Как кукол делали – не помню, не знаю. Когда было играть-то? Вязала да пряла, с имя водилась. Вот и всё... Бегать не приходилось и гулять не приходилось*».

Девочки традиционно играли в куклы в домиках-клетках. Название места игры «клетки» говорит о старожильческих корнях населения, как потомков выходцев с Русского Севера. Клетки летом городили в ограде возле стены дома или забора, под сараем, под крышей амбара. Строить помогали родители. Наряжали клетку половицами, фантиками, разноцветными тряпочками, вырезали картинки из старых журналов и развешивали их на стене. Ставили стол, лавки, приглашали в гости подружек с куклами. Мальчишок в дом-клетку пускали крайне редко. Кроме названия места игры «клетки» было и другое, более характерное для советского периода – «шалаш»:

[- Вы клетки городили? – Собир.]

- Городили все время... шалаши называли. Мы все время говорили: «Идём в шалаш играть», – вспоминает Тамара Николаевна Шаманская из д. Аникино.

По воспоминаниям Татьяны Васильевны Ведерниковой из д. Аникино: «*Клетки не в каждом дворе были. Сами делали из досок, а досок-то не было. Они дорого стоили. Напили-ка их! А пилили вручную продольной пилой. Жизнь не сладкой была!*»

Старожилы вспоминают, что местом игры, кроме клетки, могли быть поветь, подъизбица и площадка возле амбара (предамбарье). Зимой чаще всего играли на подоконниках, под столом или на печке.

Ефросинья Ивановна Сизых вспоминает, что они с подружкой очень любили играть кусочками фарфора: «*На повети залезем и с Паной Косолаповой играли в чечки*». Об этом же вспоминает Раиса Ивановна Захарина из д. Туба, только называет битые кусочки фарфора – «стеколышки». Чечки (стеколышки) – это осколки от тарелок, стаканов, чашек. Их старались находить красивые. По сведениям информантов, битую посуду собирали по деревенским помойкам. Если на осколочке был рисунок, а еще лучше цветочек, то это было настоящим сокровищем, и его тщательно берегли.

Об этом же вспоминает Нина Михайловна Карнаухова: «*Кукол даже не помню. Лоскутьев-то не было. В основном, стеколки собирали и раскладывали*».

Собираясь вместе, девочки играли «в дом», «семью», «гости», «магазин», «работу». Как вспоминает Валентина Ивановна Бородина из п. Седаново: «*Играли в семью, школу, больницу, магазин... Из глины делали пирожки*».

[- А как куколок шили, Валентина Ивановна? – Собир.]

- Куколок как шили? Сворачиваем ткань, скруточку делаем. Если ткань белая была, то на лицо оставляем, или белую ткань на лицо наматываем и цветная ткань на юбочку. Мог быть и фартучек. Ручек не делали...

[- А лицо рисовали? – Собир.]

- Рисовали... углём. И вот этими куколками мы играли. Мы собирались в амбаре и обсуждали куколок: «Ой, вот эта кукла такая плохая, она не домохозяйка, засранка...». Это кто не придет. Вот я не пришла – обсуждали мою куклу. В клетках играли, кровати делали, кукол выставляли.

Тамара Николаевна Шаманская рассказала о кукле д. Аникино:

[- А какими куколками вы раньше играли, когда маленькими были? – Собир.]

- А какими? Сами шили. Чем было играть?

[- А как нам такую куколку сшить? Расскажите нам, и мы сошьём такую – Собир.]

- Тряпочки цветные всякие для платья наберут, мы сошьём, чтоб красивенько

было... Некоторые заворачивали, а некоторые набивали опилками. Чтоб она была такая...

[*- В мешочек? – Собир.*]

- В мешочек. Делаю как куколку, головку делают, потом и рисуют. А некоторые из тряпок делали.

[*- И головку тоже с опилками? – Собир.*]

- Но.

[*- Головка кругленькая была? – Собир.*]

- Да какую сделаешь. Как руки делают. Мы хорошо играли!

[*- А ручки, ножки были? – Собир.*]

- Конечно. Из тряпок сделают ручонки и ноги.

[*- Их набивали опилками? – Собир.*]

- А я не знаю... лучше из тряпок ручки-то. Кого тут опилки...

[*- Как скруточки получались? Платьюшко одевали? – Собир.*]

- Но, платьюшко, платочек или шапочку... как ребёнка одеют.

[*- А как из тряпочек делали? – Собир.*]

- Ну что... всё равно тряпку надо, хоть старый ситец или сатин. Но как человечка делали. Голову пришивали, руки, ноги.

[*- А одевали как? – Собир.*]

- Как? Кто во что? У кого есть какая тряпка – платья шили, и на ноги делали.

[*- А волосы делали, косы какие-нибудь? – Собир.*]

- У кукол? Да я не знаю...

[*- Лицо делали? – Собир.*]

- Да. Мои уже не играли.

[*- А вы играли? – Собир.*]

- А я то играла!

[*- А кто Вам их шил? – Собир.*]

- А мама то на что? Она все шила: и платья, и штаны.

[*- Вы клетки городили? – Собир.*]

- Городили все время... шалаши называли. Мы все время говорили: «Идём в шалаши играть!»

[*- А во что еще играли? – Собир.*]

- В лапту играли. Всё играли, не бегали же так... А то купаться убежим – идёт дело...

Нина Петровна Анучина рассказала: «Куклы я шила сама. Тряпок не было, но шила всё равно. Мешочек набью старой ватой или обрезками. Шью ножки, ручки с пальчиками. Титечки были. Набьёшь немного. Головка отдельно, кругленькая, ровненькая. Химическим карандашом глазки, ротик, носик нарисую. Если не было химических чернил, то сажу наведёшь в какую-то чеплашечку, и вот... точечки делали тамака. Нарисуешь так, как будто бы человек. А волосы – куделя. У мамы попрошу, она мне даст, я пришью. Тряпочки наподобие ленточек. Платье сошью или кофту с юбкой. Переднички были. Передник называли запон. Обувь шили.

Играли всё время на окошке. Широкую лучину возьму, построгаю – кровать делаю. Какие-то тряпочки положу тамака. Подушечки сделаю, накидашечки, и играли, потом играли прямо в душу! А что? Играть-то нечем было!

В «гости» играли. С одного окошка на другое переходишь. Это и называется: «Я в гости пошла». А так, чтобы бежать в другой дом – не было этого... Мы клетки не городили».

Конструкции кукол

Размер тряпичной куклы зависел от наличия материалов для ее изготовления. Многие старожилы не называли точного размера куклы, но, тем не менее, вспоминали о том, что тканей было мало, куклы делали из остатков, а, значит, не очень большого размера.

В процессе полевой работы было выявлено 4 типа конструкций:

1. **скрутка круглая** (тело вместе с головой);
2. **комбинированная** (узелок и скрутка: голова – узелок, тело, ручки и ножки – скрутки круглые);
3. **шитая набивная** (голова – узелок, тело набивное сшито мешочком, ручки и ножки – скрутки);
4. **кукла из щепочек** (крестик).

1 конструкция. Скрутка круглая

Игровая кукла п. Седаново и с. Ершово

Информанты: Валентина Ивановна Бородина (п. Седаново), Александра Васильевна Зарубина и Анна Сергеевна Ступина (с. Ершово).

1. Тело с головой.

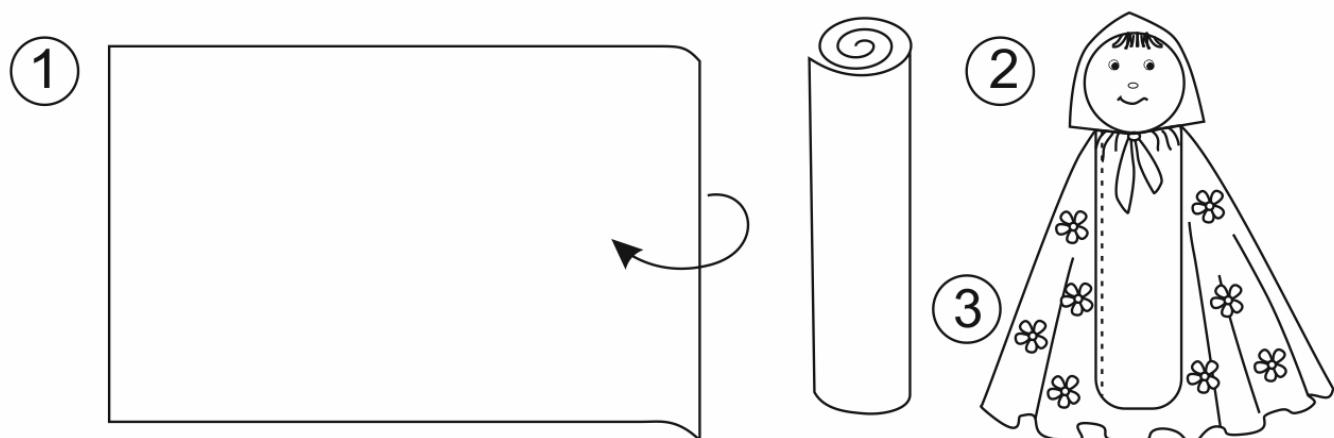
Ткань по размеру куклы сворачивается в круглую скрутку. Зашивается по разрезу сзади швом «через край».

2. Лицо.

Рисуется углём или химическим карандашом.

3. Одежда.

Юбка из цветной ткани. Мог быть и фартучек. На голову одевается треугольный платочек и завязывается.

2 конструкция. Комбинированная

Игровая кукла д. Аникино и д. Карапчанка

Информанты: Тамара Николаевна Шаманская (д. Аникино), Нина Петровна Анучина (д. Карапчанка)

1. Голова.

Квадрат из светлой ткани набивается опилками и скручивается в узелок, завязывается ниткой.

2. Тело.

Ткань по размеру тела куклы наматывается на «хвостик» от головы и прошивается сзади швом «через край». Голова пришивается к телу.

3. Ручки.

Ткань по размеру руки куклы скручивается и прошивается швом «через край». Делаются две руки, пришиваются к телу на уровне плеч.

4. Ножки.

Ткань по размеру ноги куклы скручивается и прошивается швом «через край». Делаются две ноги, пришиваются к телу.

5. Лицо.

Рисуется карандашом.

6. Одежда. Платье прошивается по боковым срезам. На голову надевается платочек.

3 конструкция. Шитая набивная

Игровая кукла д. Аникино

Информант: Тамара Николаевна Шаманская

1. Голова.

Квадрат из светлой ткани набивается опилками и скручивается в узелок, затем завязывается ниткой.

2. Тело.

Шьётся мешочек из ткани и набивается опилками. Пришивается к телу голова.

3. Ручки.

Две скрутки из ткани по размеру ручек пришиваются к телу.

4. Ножки.

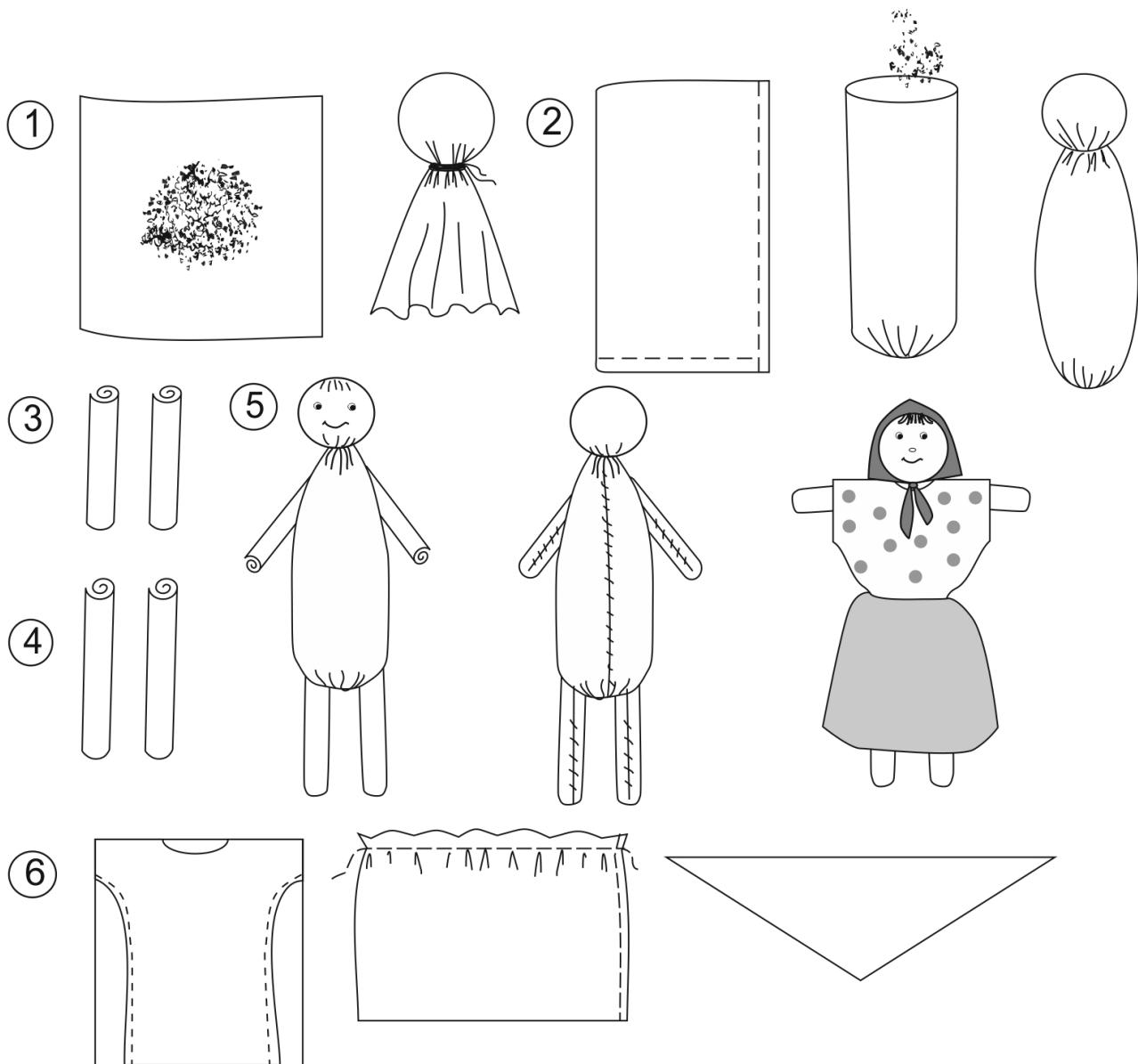
Две скрутки из ткани по размеру ножек пришиваются к телу.

5. Лицо.

Рисуется карандашом.

6. Одежда.

Может быть не шитой: платье туникообразное или юбка с туникообразной кофточкой, треугольный платочек.

4 конструкция. Кукла из щепочек

Игровая кукла д. Ёдорма

Информант: Ефросинья Ивановна Сизых

1. Голова + тело.

Отколоть щепку от полена длиной 13–15 см. Это тельце вместе с головой.

2. Ручки.

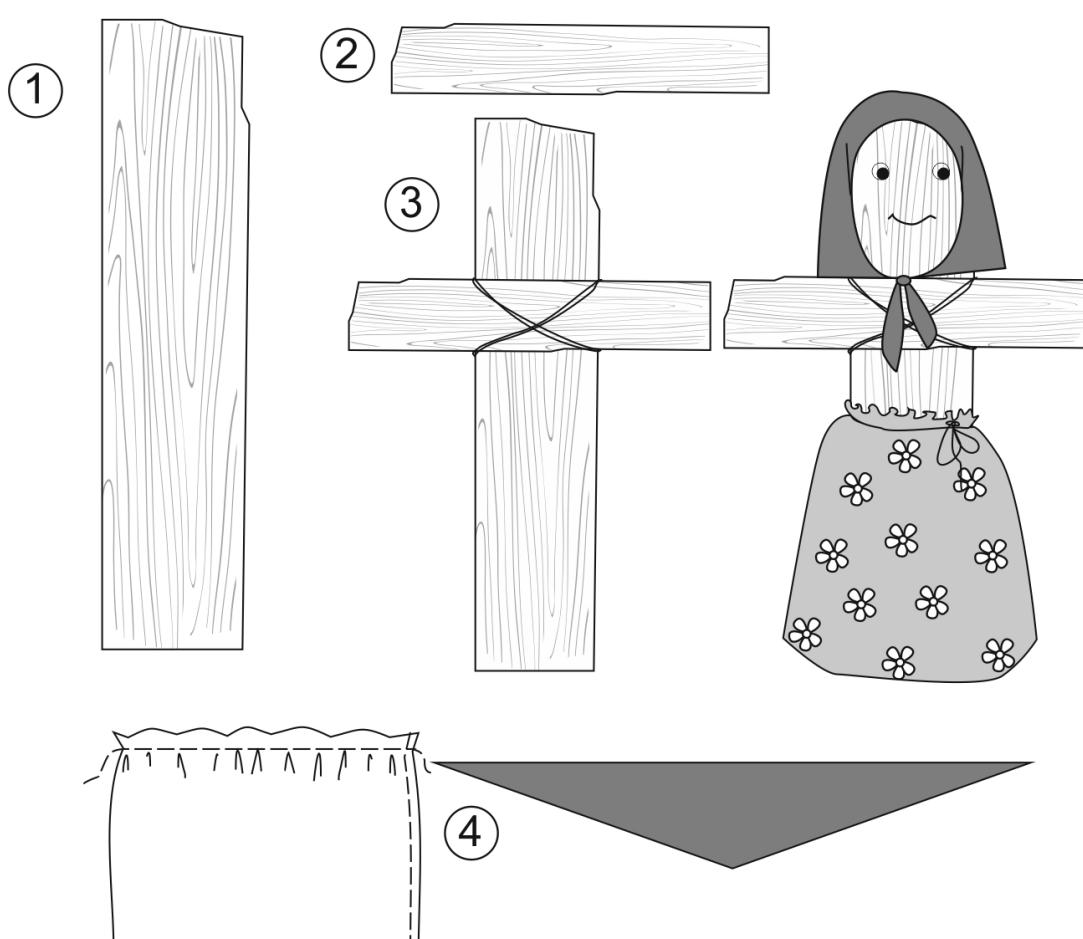
Отколоть щепку от полена длиной 8–9 см. Щепки перевязать ниткой, крестом на уровне плеч. Получится крест из щепочек.

3. Лицо.

Можно нарисовать.

4. Одежда.

Юбка и треугольный платочек.

В заключение следует отметить, что наряду с традиционными архаичными, скруточными конструкциями, со временем на территории Усть-Илимского района появились переходные, комбинированные конструкции – скрутка и узелок шитые, набивные. Встречается и информация о том, что делались куклы-ляльки из ватника, полотенца или фартука. Куклу закручивали в виде круглой скрутки-тельца, надевали косынку и отдавали детям для игры. Затем куклу разворачивали, и опять ватник, полотенце или фартук использовали по назначению. Об этом рассказала Валентина Дмитриевна Бубнова из д. Карапчанка. В Иркутской области такая информация в

экспедициях встречается повсеместно. Не уникальной является и информация об изготовлении кукол-крестиков из деревянных щепок.

Веянием нового хрущевского времени в 50-х годах XX века стало использование детьми метелок кукурузы для изготовления кукол. В связи с этим интересной представляется информация Раисы Ивановны Захариной из затопленной д. Тубы об изготовлении куколок из кукурузы:

[- А как из кукурузы куколку делали? – Собир.]

- Вот кукуруза цветёт, там волосы красивые. Вот мы из них делали... Волосы отрезали, ну и это... тряпки там делали. На тряпки и волосы делали. Красивые косы. Они вьются там немножко. Так и делали.

Следует иметь в виду, что практически все встреченные в ходе экспедиции информанты детство провели в тяжелейшее военное время, изменившее привычное течение жизни. Великая Отечественная война, длившаяся пять лет, потребовала мобилизации всего населения, в том числе и детей. Они работали наравне со взрослыми, играть им было некогда. В послевоенное время в деревне все больше стали появляться новомодные игрушки фабричного производства, которые вытеснили самодельные тряпичные куклы.

Надо отметить, что по многим причинам информация, выявленная в процессе экспедиции, полную историческую картину бытования народной тряпичной куклы на территории исследуемого района не даёт. Одна из причин – уход из жизни информантов.

ГЛАВА IV

ПИЩА

Питание для человека является одним из жизненно важных факторов. Оно необходимо для восполнения запаса энергии, поддержания здоровья и жизни человека. Особенности традиционной пищи у многих народов сложились ещё в древности. Зависят они от многих факторов, в том числе и от географического расположения места бытования людей.

Усть-Илимский район является зоной рискованного земледелия, так как находится на северо-западе Иркутской области и приравнен к районам Крайнего Севера. Именно поэтому основным источником пищи в начале освоения территории были дары тайги и реки Ангары.

Мясо диких животных и птиц, рыба, грибы, ягоды, кедровые орехи, дикий чеснок, – все это входило в рацион питания первопоселенцев.

Постепенно люди расчистили земли под огороды, покосы, много лет спустя появилась знаменитая Илимская пашня.

Русские старожилы в исследуемый период повсеместно вели натуральное хозяйство. В огородах выращивали картофель, капусту, свёклу, огурцы, лук, морковь, чеснок, брюкву, репу, редьку, горох. Домашний скот давал мясо, молоко, шерсть. Разведение домашней птицы обеспечивало семью яйцом и мясом.

Во время экспедиции традиционная пища русских старожилов района не была предметом детального изучения. Как правило, такой возможности у этнографов нет. Во многих домах уже отсутствуют русские печи, нет необходимых продуктов. Например, брюкву и репу сегодня большинство жителей деревень не выращивают. Если раньше каждая семья старалась иметь в хозяйстве корову, коня, овец, свиней, куриц, то сегодня содержать домашний скот дороже, чем приобретать молочные и мясные продукты в магазинах или у односельчан. Таких семей становится все больше с каждым годом. Наделы земли, на которых можно косить сено, находятся далеко от дома или принадлежат фермерских хозяйствам.

Изменился и набор кухонной посуды. Как правило, сегодня она сделана не из чугуна, долго хранящим тепло печи, а из современных материалов. Многие используют микроволновые печи для разогрева, что отражается и на качестве приготовленной пищи.

Исторически так сложилось, что люди обеспечивали свои потребности в продовольствии комплексно, несколькими путями: охотой, рыболовкой, собирательством и сельскохозяйственным производством. В настоящее время большая часть потребности в пище удовлетворяется пищевой промышленностью.

Если собирательство всё еще в почёте у деревенских жителей, а рыболовкой занимаются все те, кто живет рядом с рекой, то охота сегодня – удел не каждого мужчины.

Об охоте вспоминает Иван Максимович Ведерников: «*Весной, по насту добывали лося. Козы ещё были... Много коз добывали. Осенью – медведя. Заяц, его здесь называли «ушкан» – это баловство. Круглый год добывали тетеревов, гусей, уток, рябчиков, глухарей*».

Мясо заготавливали зимой и хранили в ямах или ледниках при амбарах. Интересными представляются сведения, полученные от Ефима Иннокентьевича Зарубина о мясе белки: «*Тушка белки называлась «куряшкой». Ели задки. Белку почистишь, голову отделиши, а задки свариши. Белка она же чистая, орешками одними питается. Хуже от нее никогда не было. Суп, вермишель, картошечка вкусный из неё. Дымком пахнет...*».

Мясо диких и домашних животных старожилы тушили, солили, варили кусками, рубили для котлет и пельменей. Как вспоминала Тамара Алексеевна Корж из п. Седаново: «*Котлет из сохатины мама наделает целый тазик...*».

Из свиного сала делали шкварки: кусочки сала перетапливали в русской печи. Из коровьих и свиных ног варили студень – холодец.

После завершения строительства Братской и Усть-Илимской ГЭС, как вспоминают информанты, рыбы в реке не стало. Если раньше в Ангаре водилась красная и белая рыба в количестве, обеспечивающем не только семью, но и страну, то сегодня уловом могут похвальиться единицы. Ангарскую рыбу старожилы делили на красную и белую. Иван Максимович Ведерников из п. Седаново говорил, что красной рыбой у них считались стерлядь и осетр. В данном случае деление рыбы не зависит от цвета мяса, а от качества самой рыбы. Белой рыбой русские старожилы считали сига, налима, хариуса, плотву, тайменя, щуку, окуня, ельца.

«*Зимой – охота, летом – рыбалка. Рыбу бочками заготавливали. Рыба таймень, осетр. Такая рыба стерлядка. Хариуса даже за рыбу не считали. Таймень, голову рубили, в тазик еле входила, а хвост – на полу*», – так об уловах вспоминала Валентина Ивановна Бородина из п. Седаново.

Нина Петровна Анутина из п. Невон рассказала, что «*по реке Ангаре ещё до войны водились осётры до 60 кг. У меня мама такого добывала. Во всю лодку лежал. Целое ведро икры чёрной. Стерляди были по 15-20 кг, а в реку Карапчанку в июне на икромёт заходили таймени до 40 кг*».

Рыбы добывали много. Её солили, отваривали, варили холодец из голов, делали пироги, реже жарили. Из рыбной икры, сливок, соли, яйца и небольшого количества муки делали икряник – запеканку из рыбной икры. Екатерина Федоровна Банщикова из п. Эдучанка говорила, что икряник могли готовить из икры с подсолнечным маслом, а Петр Михайлович Бубнов из п. Тубинский, что из икры с молоком.

Большим подспорьем в питании были лесные ягоды: черемуха, красная смородина, малина, брусника, земляника. Детские воспоминания многих старожилов связанны со сбором грибов, ягод, берегового лука, чеснока, каменного лука или черемши.

Павел Григорьевич Кузнецов вспоминает: «*В Петров день собирали красную смородину. Женщины садились на лодки. Первая ягода. Вареники стряпали, кисели делали из ягод. В основном собирали бруснику. Брали поздно и сразу спускали в подвал*».

Лакомством считались выкопанные клубни и цветы саранок. Это многолетние луковичные растения (*Lílium mártagon*). «*Саранки ели... и цветки, и клубни. Луковичы выкапывали...*», – вспоминает Владимир Иванович Каморников из п. Подъеланка. Ребятишки собирали пучки от борщевика (*Herácléum*). Применяли в пищу не только сами, но и заготавливали для домашних животных. Черемуху и землянику

сушили, бруснику – замачивали. Грибы могли хранить как в сушеном виде, так и в солёном. Маслята сушили, а грузди и рыжики солили.

Весной, во время сокодвижения, драли сосновый сок проволочными струнами. Владимир Иванович Каморников воспоминает: «*Мы сахар-то не видели. Сосновый сок драли струнами. Кору сдирали, и на самой древесине пленочка – её сдирали. Она вкусная... Сладости в ней было больше, чем в березовой*». А Ефим Иннокентьевич Зарубин рассказал: «*Мы ждали маму, как свет в окошке! Вот когда огороды городить огораживали, поля и всё это – суковишинник назывался. Жерди эти, не сучковатое дерево, не толстое. И вот они на перекуре этом. Кто спать ложится, кто что, а мама, ей ребятишек накормить надо было чем-то. И вот она этот сок наберёт полный тиузок, притащет сочный такой, полный тиузок и дерем. Не обделяли друг друга. Всем поровну давали. Сок – это когда шкуру срываешь, а на стволе этот сок пластиками отдирается. Мы даже драли его струной*».

Особую роль в рационе питания русских старожилов составлял хлеб. Его готовили в каждой семье. Вместо дрожжей использовали закваску, оставшуюся от предыдущего замешивания. Стряпали каждый день. Семьи были большие по четырнадцать-пятнадцать человек. По двенадцать-тринадцать булок выпекали. Хлеб пекли в русских печах как глинобитных, так и из кирпича.

По мнению выдающегося российского учёного, известного исследователя в области русской и восточнославянской этнографии Маргариты Николаевны Шмелевой, «традиция особого отношения к хлебу формировалась, несомненно, в крестьянской среде и была связана со всем хозяйственно-бытовым комплексом получения хлеба, начиная с посева и кончая появлением его на столе. Весь этот длительный, сопряженный с большими трудовыми усилиями процесс, всегда несколько таинственный, так как успех его, который, по мнению крестьян, посыпался от Бога, происходил на глазах потребителей хлеба и при непосредственном участии. Все это согласуется с православным мировоззрением.

Не случайно в Евангелии содержится особое отношение к хлебу и зерну, которое столь часто и с большим значением фигурирует в притчах Христа. Выпечка хлебов в русской печи напоминала своего рода ритуальный акт. Она требовала от хозяйки знаний и опыта. Чтобы хлеб удался, она следовала давно заведенному порядку. Все работы по подготовке муки, замешиванию и выхаживанию теста, его формированию, производились с большой тщательностью, без торопливости, благословясь. Хлеб сажали в раскаленную и чисто выметенную печь не прежде, чем перекрестят каждую из будущих ковриг. Пока пеклись хлебы, хозяйка старалась не отвлекаться, не заниматься другими делами. Вынув хлеб из печи, сбрызнув водой, давали ему «отдохнуть», затем оставляли под чистым полотенцем «улежаться», и лишь тогда его можно было есть. Разрезал хлеб за столом обычно старший мужчина, хозяин» [9, 243].

В православной России было именно так: выпечка хлеба считалась сакральным актом. Но не менее ответственно подходили к выпечке хлеба и советские крестьянки.

Кроме кислого хлеба из пшеницы и ржи пекли булки из ячменя тёмно-коричневого цвета, их называли ярушники. Очень часто ярушники в воспоминаниях старожилов ассоциируются с военным и послевоенным временем. Ефросинья Ивановна Сизых рассказала: «*Из пшеничной муки называется булка, из аржаной муки – коврига. Её садили на капустный лист на поду. А ярушничек – он небольшой, клейковины нет. Его много не съешь – он не вкусный... ячмень*».

Из пшеничной муки пекли тарочки – это булки с начинкой из ягод, также шаньги, пироги с ягодами или рыбой.

Из пресного теста пекли преснушки в виде восьмёрок, косичек, башенок, калачей, а также пеклись сушки-преснушки, помпушки, калачи.

Способы приготовления шанег:

1. Из кислого теста (тип ватрушек).

«Пекли из теста с начинкой сверху из картофеля. Из кислого теста делали круглую лепешку, выкладывали начинку из картофельного пюре, сверху мазали сметаной и запекали в русской печке. Шаньги с картофелем могли называться ромбомбоновыми», – так сказала Нина Петровна Анутина из п. Невон. «Начинка могла быть и из творога», – уточняла Ефросинья Ивановна Сизых из д. Ёдорма.

Рецептом картофельных шанег поделилась Клавдия Андреевна Шадрина, 1922 г. р., уроженка Вятской губернии (Кировская область), проживающая в д. Ершово.

Рецепт «Картофельные шаньги»

В глубокой чашке перемешать 2 стакана молока, 1 столовую ложку дрожжей, 1 чайную ложку соли, 2 столовых ложки сахара, 1 стакан муки и поставить на 30–40 минут в теплое место. Когда тесто будет хорошо бродить, добавить 2 яйца и 7 стаканов муки. Вымешать крутое тесто и снова поставить в тёплое место. Тесто должно увеличиться в объёме в 3 раза, тогда оно готово.

Начинка: 7–8 картофелин средней величины промыть и отварить до готовности. Слить воду и залить холодной (чтобы легче было его очищать в горячем виде) на 10–20 сек. Картофель истолочь, добавить 1 яйцо, стакан тёплого молока и взбить до готовности (примерно как густая сметана).

Выложить на противень круглые лепёшечки из теста, дать им подняться, положить сверху начинку и выпекать в духовке 40 мин. при 220°C.

2. Из кислого теста с верхней наливкой.

Наливка на булочке могла быть самой разнообразной: яйца со сметаной или яйца с молоком и мукой, или яйца, сливки, сметана и мука, или пахта, сахар и мука.

3. Из пресного теста с борчатыми краями.

Из пресного теста делали круглый сочень. Начинку выкладывали из картофельного пюре и защищали края сочня гармошкой по кругу, сверху мазали сметаной и запекали в русской печке.

Многие информанты вспоминают об овсяном киселе. Его называли «бурдук». *«Когда стряпали хлеб, оставляли тесто, заливали его водой. Все это постоит, забродит, воду лишнюю сливали и заваривали бурдук», – вспоминала Нина Михайловна Карнаухова из п. Невон.* Это традиционное блюдо известно во многих регионах России и Сибири.

Похожа на густой кисель каша-заваруха. *«В кипящую воду всыпали муку и заваривали. В конце варки солили и добавляли сметану», – такой рецепт вспомнила Екатерина Федоровна Банщикова из п. Эдучанка.*

«Мучной кисель назывался «молосная каша». На молоке заваривали из муки. Вкусно так на костре варили! Все с удовольствием едят!», – вспоминала Тамара Алексеевна Корж из п. Седаново. *«Молоко закипает, муку засыпали. Бачамка была, мутовка, бачамкой взбивали», – так говорила односельчанка Валентина Ивановна Бородина.*

Практически все русские старожилы занимались огородничеством. На огородах сибиряков росли только овощи. Плодово-ягодные кустарники появились намного позже, в 1960–1970-х годах. Выращивать кустарники в огороде не было необходимости. Они росли на островах или в тайге.

Основным овощем был картофель. Его варили в мундире или чищенный, запекали, тушили, жарили, сушили, особенно в годы Великой Отечественной войны. Добавляли в супы и другие блюда. Картофельное пюре называлось «яблоница».

В бочках заготавливали в большом количестве квашеную капусту и соленые огурцы. Нина Михайловна Карнаухова вспоминает: «Помидоры-то появились поздно. Я даже не знаю когда. Я в седьмом классе учились и то не помню, были ли помидоры. У нас отец вообще их не ел. Их зелеными солили в бочках вместе с огурцами».

Старожилы любили готовить блюдо из редьки с мясом и квасом.

Из-за отсутствия сахара старожилы любили запекать в русской печи кусочки брюквы, репы или свеклы. Запеченные, они становились сладкими, были лакомством и назывались «паренки». «В чугунок запарят в русской печке паренки из брюквы, вот и все лакомство», – вспоминала Тамара Алексеевна Корж из п. Седаново.

Часто информанты вспоминали о применении в рационе питания постного (растительного) масла из конопляных семян. Любимым лакомством были конопляные семечки в жареном виде или жмульки – отжатое конопляное семя, скатанное в шарик. Растительное масло и жмульки также делали из подсолнечника. Семена толкли в ступе, а потом отжимали.

Разнообразны способы приготовления продуктов из молока. Оно потреблялось в свежем, кипячёном, топлёном и кислом виде, входило в состав крестьянских десертов. Из молока готовили сливки, сметану, творог. Молоко топили в русской печи до золотистого цвета и заквашивали сметаной, получался варенец или тарак.

Татьяна Васильевна Ведерникова вспоминает: «Во время войны молоко како – перегонка. А хорошее молоко-то сдавали в заготовку для фронта. Я в тридцать первом родилась, а в сорок первом война началась. Вот мне было десять лет. И взяли брата, другого, третьего и отца. И нас еще четверо осталось... и мать одна. А когда эти родились, я в тридцать первом родилась, а двойняшки родились в тридцать шестом году. А раньше декретов-то не было. Мать пробыла десять ден с нами и ушла... на весь день. А я с имя вот осталась. А кормила-то молоком коровьим. Крошечки накрошу, натолку и накормлю через титьку. Накормлю, да и посасю их через титьку. Рожок такой вот: коровий рог и титька от коровы же отрезана, вычищена. Тому и другому... насосю и все».

Десерт из взбитой с черемуховой мукой сметаны, замороженный в формочках, называли мороженое или крем.

Лакомство сбитень готовили из взбитых сметаны, молока, яиц и сахара. Как утверждает Екатерина Федоровна Банщикова из п. Эдучанка, его же могли готовить и из сметаны со сгущённым молоком. Взбитый десерт замораживали в формочках на холоде. Растёртый со сметаной творог, украшенный сверху ягодками брусники, замораживали небольшими лепешками. Назывались они сырчики, сырники мороженые, творожники, мандришки.

Самым любимым напитком у старожилов был чай. Недаром русских старожилов,

проживающих в Приангарье, называли ангарскими водохлебами. Чай заваривали из кипрея узколистного (*Chamerion angutifolium*), в простонародье растение называется иван-чай или киприян.

Традиционными для русских старожилов были густые кисели из ягод, летом – квас. Для киселя из картофеля делали крахмал, а для кваса готовили квасники. Это запеченные в русской печке до тёмно-коричневого цвета лепёшки из теста, замешенного из ржаной муки.

По воспоминаниям старожилов, традиционный повседневный стол не отличался разнообразием: картофель, молоко, хлеб. После субботней бани на стол выставлялись отварной картофель с кусочком масла, отварная рыба и четверть с самогонкой – крепким алкогольным напитком. Его готовили из пшеницы без сахара. Пили не много – это было грехом, но самогон должен был быть всегда в запасе.

Летом пищу готовили в поварнях – летних кухнях. *«Да, да, поварни были. Летом там и готовили. Отец хороших дров не давал, так, сучки собирали»*, – вспоминают Иван Максимович Ведерников и Валентина Ивановна Бородина из п. Седаново. Семья Зарубиных из с. Ершово вспоминает, что все домочадцы ели с одной чашки.

В домашнем хозяйстве всегда было много посуды, изготовленной как в домашних условиях из подручного материала, так и покупной.

Использовали посуду из бересты: корзины, лукошки, туеса, чумашки. Из дерева делали бачамки-мутовки, бочки, квашенки, корыта, ложки, лоханки, точеные ковши, сеяльницы, стаканы, скалки, сита с обычайками из дерева и сеткой из конского волоса, решета, ушаты. Из глины: горшки, корчаги, кувшины. Из металла: сечки, чугунки, самовары.

Народные традиции, благодаря их уникальным свойствам, сохраняются в рационе питания русских старожилов Усть-Илимского района Иркутской области. Приусадебное хозяйство, собирательство, охота и рыбалка до сих пор существуют. Это помогает обогатить пищевой рацион сибиряков. Но носителями знаний, умений и навыков в изготовлении блюд традиционной пищи являются старейшие жители региона. Необходимо отметить, что о многих традиционных блюдах русских старожилов Приангарья молодое поколение уже не знает.

По мнению М. Н. Шмелевой, «на характер современного питания русских в последние 75 лет повлияло его значительное обобществление, точнее превращение его в известной мере в особую отрасль планового хозяйства. Создание множества отраслей пищевой промышленности, сетей общественного питания и бытового обслуживания, централизации снабжения населения продовольствием, – все это до сих пор определяет многие черты питания современной семьи. Эти факторы особенно действенны в условиях города, где обобществление и централизация сказываются более, чем в селе» [8, 237].

Можно высказать предположение, что благодаря централизованной торговле полуфабрикатами и готовыми изделиями пищевой промышленности, отсутствием промыслов и собирательства, практически полностью может измениться рацион питания сибиряков в будущем.

ПОСУДА

Берестяная посуда

Берестяная набиушка для ягоды

Берестяные туес и турсук

Берестяной чумашек

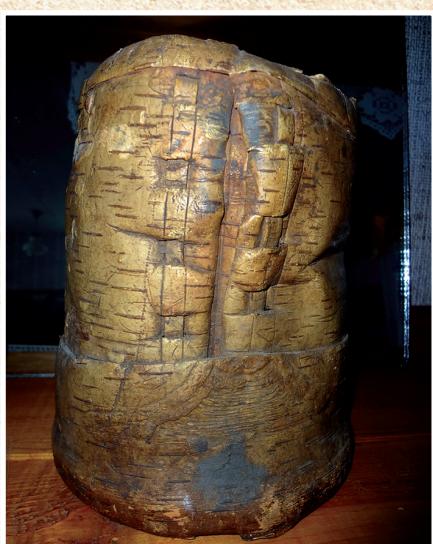
Берестяной туес. Замок

Берестяной туес

Турсук

Берестяной туес. Замок

Берестяной туес. Замок

Корыто и корытце с сечкой

Маслобойки и кувшин

Деревянная посуда

Маслобойка и ложки

Севильница. Фрагмент

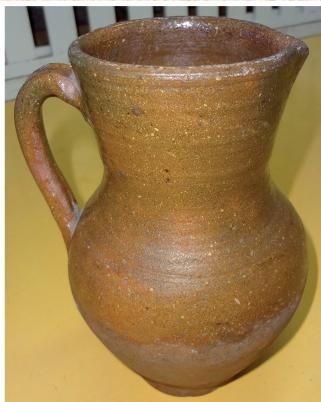
Ушат и деревянное ведро

Бочка деревянная

Ушат

Кувшин керамический

Бачамки

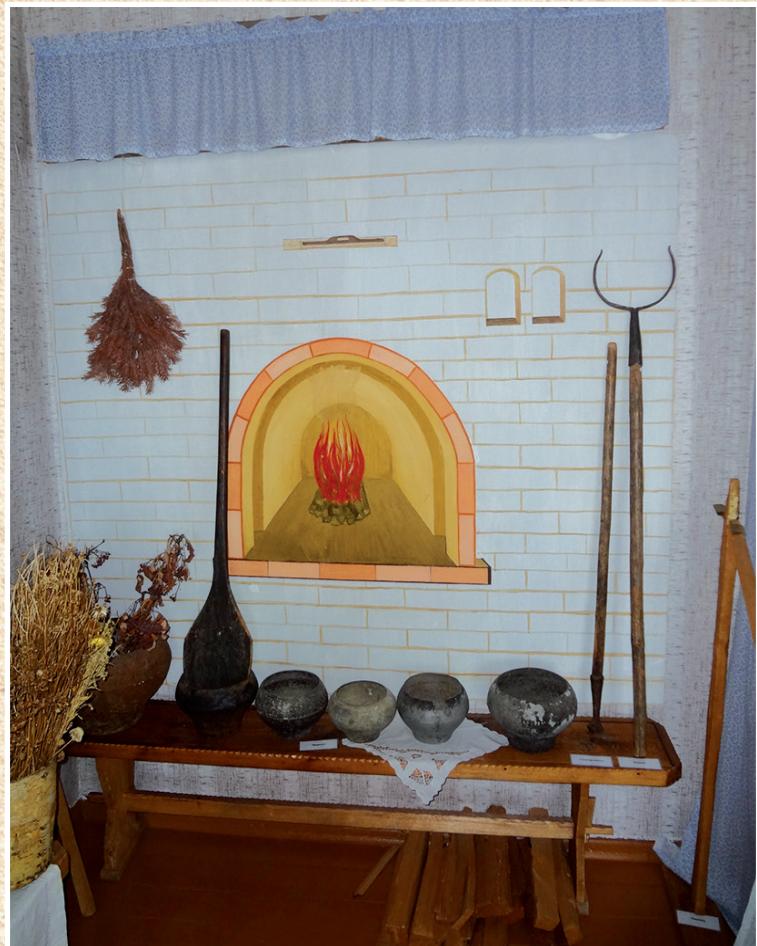
Бачамки-мутовки

Ухват и лопата
для печи

Ухват

Подъеланка. Фрагмент экспозиции в библиотеке

Самовар угольный

Самовар

Самовар. Фрагмент

Тарочки

Рыба жареная

Картофельные шаньги

Камень для жернова

Чугуны

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ ранее опубликованного полевого материала известных советских историков и этнографов, а также результаты этнографической экспедиции ГБУК «Иркутский областной Дом народного творчества» позволили сделать вывод, что за короткий промежуток с конца XIX века до середины XX века традиционная культура быта русских старожилов, а в частности одежда, претерпели качественные изменения. Всё реже стали одежду и предметы быта изготавливать в домашних условиях, всё чаще приобретали в сельских магазинах.

Нелегкая жизнь и тяжелые обстоятельства заставляли женщину садиться за ткачество ткани и изготовление одежды в домашних условиях: коллективизация, разорившая личные крестьянские хозяйства, Великая Отечественная война, где практически все мужское население деревень ушло на фронт, и вся тяжелая крестьянская работа легла на плечи женщин, стариков и детей. Во время экспедиции старожилы часто рассказывали о шитье одежды из крапивных и конопляных кулей, в которых привозили в деревни и села продукты, потому что жили очень бедно.

Выявленные в ходе этнографической экспедиции образцы традиционной материальной культуры русских старожилов района, оставшиеся в единичных экземплярах, являются ценнейшими артефактами. Многое безвозвратно утрачено, но по устным описаниям, данными информантами, автор попыталась составить общее представление об одежде, игровой кукле, предметах быта и пище.

Известен тот факт, что старожилы Сибири отличаются особой смекалкой и рачительностью, позволившей им выжить в непростых природных и политических условиях. Во время Великой Отечественной войны сибиряки были вынуждены полностью сдавать на нужды фронта кожу домашних животных, идущую на изготовление обуви. Ее отсутствие заменяли резиновыми покрышками, из которых шили тапочки, похожие на традиционные чирки. Интересно, что поздние переселенцы, приехавшие в Сибирь в лаптях, не оказали влияние на ношение сибиряками кожаной обуви. При отсутствии кожи лапти могли бы стать самой доступной обувью, но в старожильческой среде они не прижились.

Предметы одежды, изготовленные эвенками, и охотно приобретаемые сибиряками, все реже встречаются в гардеробе старожилов, так как в войну всю охотничью добычу эвенки обязаны были сдавать в заготовительные конторы.

Интересными представляются сведения о том, что в Усть-Илимском районе курмушки носили мужчины, хотя практически на всей территории Иркутской области курмушка – это женская куртка. А являющийся предметом мужского комплекса одежды шодиник в данном районе носили преимущественно женщины. Суконные шодинники для прочности и тепла женщины покрывали домотканым холстом, что редко встречается в других районах Иркутской области.

Усть-Илимский район образован в 1968 году из Братского и Нижнеилимского районов, поэтому сведения, полученные в ходе экспедиции от разных информантов, имеют свои особенности. Так, традиционный охотничий рюкзак в Нижнеилимском районе назывался «поняга», а в Братском – «жучери».

Традиционное развлечение молодежи Братского района – «вечёрки», в Нижнеилимском называли «игранчик».

Выявленные в процессе полевой работы разновидности конструкций игровой тряпичной безшитьевой и шитьевой куклы, бытовавшей в исследуемый период, были проанализированы, что позволило сделать вывод: наиболее архаичными среди них являются куклы деревни Ершово и села Седаново. Методические рекомендации по изготовлению куклы Усть-Илимского района, включенные в издание, будут полезны тем, кто интересуется историей народной тряпичной куклы Иркутской области.

Все экспедиционные материалы в черновом варианте были переданы участниками экспедиции в отдел по культуре, физической культуре, спорту и работе с молодежью администрации муниципального образования «Усть-Илимский район» с разрешением использования их в работе.

Для района этнографическая экспедиция ГБУК «Иркутский областной Дом народного творчества» явилась интересным событием и позволила пополнить фонды создаваемого районной администрацией Усть-Илимского районного краеведческого музея.

У жителей и журналистов возрос интерес к истории района. Корреспондентом Службы информационного вещания ОАО «Илимское региональное телевидение» Светланой Евгеньевной Шарипковой и оператором Виталием Андреевичем Таратутовым в результате сотрудничества был отснят полевой материал для документального фильма «Бурундуки», повествующем о русских старожилах Усть-Илимского района.

ГБУК «Иркутский областной Дом народного творчества» благодарит начальника отдела по культуре, физической культуре, спорту и работе с молодежью администрации муниципального образования «Усть-Илимский район» в 2014 году Татьяну Валерьевну Британ за организацию и проведение этнографической экспедиции.

Работников музеев Усть-Илимского района за сотрудничество, а также всех информантов, встреченных во время проведения этнографической экспедиции за те бесценные сведения, которыми они поделились.

Особая благодарность Светлане Евгеньевне Шарипковой и Виталию Андреевичу Таратутову.

Долгой счастливой жизни, любви к своей Родине и Ангела-хранителя каждому!

СВЕДЕНИЯ ОБ ИНФОРМАНТАХ

Анучина (д. ф. Сизых) Нина Петровна (1937 г. р.), уроженка д. Карапчанка Нижнеилимского района Иркутской области, проживает в п. Невон Усть-Илимского района Иркутской области.

Банщиков Виталий Григорьевич (1944 г. р.), уроженец д. Банщиково Нижнеилимского района Иркутской области, проживает в п. Эдучанка Усть-Илимского района Иркутской области.

Банщикова (д. ф. Зарубина) Екатерина Федоровна (1931 г. р.), уроженка д. Ершово Нижнеилимского района Иркутской области, проживает в п. Эдучанка Усть-Илимского района Иркутской области.

Бородина (д. ф. Ведерникова) Валентина Ивановна (1947 г. р.), уроженка д. Седаново Братского района Иркутской области, проживает в п. Седаново Усть-Илимского района Иркутской области.

Бубнова (д. ф. Головко) Валентина Дмитриевна (1946 г. р.), уроженка д. Карапчанка Нижнеилимского района Иркутской области, проживает в п. Тубинский Усть-Илимского района Иркутской области.

Бубнов Петр Михайлович (1946 г. р.), уроженец д. Воробьево Нижнеилимского района Иркутской области, проживает в п. Тубинский Усть-Илимского района Иркутской области.

Ведерников Иван Максимович (1953 г. р.), уроженец д. Седаново Братского района Иркутской области, проживает в пос. Седаново Усть-Илимского района Иркутской области.

Ведерникова (д. ф. Говорина) Татьяна Васильевна (1931 г. р.), уроженка д. Пашино Нижнешаманского сельсовета Братского района Иркутской области, проживает в п. Подъеланка Усть-Илимского района Иркутской области.

Евдокименко (д. ф. Евдокименко) Раиса Адамовна (1940 г. р.), уроженка с. Ук Нижнеудинского района Иркутской области, проживает в п. Эдучанка Усть-Илимского района Иркутской области.

Жмирова (д. ф. Жмирова) Галина Михайловна (1955 г. р.), уроженка д. Березово Нижнеилимского района Иркутской области, проживает в п. Кеуль Усть-Илимского района Иркутской области.

Зарубина (д. ф. Ступина) Александра Васильевна (1941 г. р.), уроженка д. Ершово Нижнеилимского района Иркутской области, проживает в с. Ершово Усть-Илимского района Иркутской области.

Зарубина (д. ф. Ступина) Анна Николаевна (1947 г. р.), уроженка д. Ершово Нижнеилимского района Иркутской области, проживает в с. Ершово Усть-Илимского района Иркутской области.

Зарубин Ефим Иннокентьевич (1942 г. р.), уроженец д. Ершово Нижнеилимского района Иркутской области, проживает в с. Ершово Усть-Илимского района Иркутской области.

Зарубина (д. ф. Зарубина) Зоя Григорьевна (1933 г. р.), уроженка д. Ёдорма Нижнеилимского района Иркутской области, проживает в п. Кеуль Усть-Илимского района Иркутской области.

Зарубин Михаил Васильевич (1935 г. р.), уроженец д. Ершово Нижнеилимского района Иркутской области, проживает в с. Ершово Усть-Илимского района Иркутской области.

Захарина (д. ф. Жмурова) Раиса Ивановна (1954 г. р.), уроженка д. Туба Нижнеилимского района Иркутской области, проживает в п. Тубинский Усть-Илимского района Иркутской области.

Каморникова (д. ф. Исмаилова) Вера Георгиевна (1948 г. р.), уроженка станции Ивановская Красноярского края, проживает в п. Подъеланка Усть-Илимского района Иркутской области.

Каморников Владимир Иванович (1946 г. р.), уроженец д. Подъеланка Братского района, проживает в п. Подъеланка Усть-Илимского района Иркутской области.

Каморникова (д. ф. Уханова) Лидия Константиновна (1949 г. р.), уроженка д. Картыгей Боканского района Иркутской области, проживает в п. Подъеланка Усть-Илимского района Иркутской области.

Каморников Николай Алексеевич (1950 г. р.), уроженец д. Подъеланка Братского района Иркутской области, проживает в п. Подъеланка Усть-Илимского района Иркутской области.

Карнаухова (д. ф. Сизых) Нина Михайловна (1936 г. р.), уроженка д. Сизово Нижнеилимского района Иркутской области, проживает в п. Невон Усть-Илимского района Иркутской области.

Кузнецов Павел Григорьевич (1948 г. р.), уроженец д. Нижняя Шаманка Братского района Иркутской области, проживает в п. Подъеланка Усть-Илимского района Иркутской области.

Корж (д. ф. Шаманская) Тамара Алексеевна (1953 г. р.), уроженка с. Пимля Манского района Красноярского края, проживает в п. Седаново Усть-Илимского района Иркутской области.

Сазонова (д. ф. Каморникова) Любовь Алексеевна (1953 г. р.), уроженка д. Подъеланка Братского района Иркутской области, проживает в п. Подъеланка Усть-Илимского района Иркутской области.

Сизых (д. ф. Сизых) Евросинья Ивановна (1941 г. р.), уроженка д. Ёдорма Нижнеилимского района Иркутской области, проживает в г. Усть-Илимск Иркутской области.

Ступина (д. ф. Милиничук) Анна Сергеевна (1941 г. р.), уроженка д. Черново Нижнеилимского района Иркутской области, проживает в с. Ершово Усть-Илимского района Иркутской области.

Панова (д. ф. Панова) Полина Иннокентьевна (1958 г. р.), уроженка д. Воробьево Нижнеилимского района Иркутской области, проживает в п. Эдучанка Усть-Илимского района Иркутской области.

Шаманская (д. ф. Шаманская) Тамара Николаевна (1936 г. р.), уроженка д. Аникино Братского района Иркутской области, проживает в п. Подъеланка Усть-Илимского района Иркутской области.

Справа налево: Жмурова Галина Михайловна, Зарубина Зоя Григорьевна, Сизых Евросинья Ивановна, пос. Кеуль

ИНФОРМАНТЫ

Анучина
Нина Петровна
пос. Невон

Банщиков
Виталий Григорьевич
пос. Эдучанка

Банщикова
Екатерина Федоровна
пос. Эдучанка

Бородина
Валентина Ивановна
пос. Седаново

Бубнов
Петр Михайлович
пос. Тубинский

Бубнова
Валентина Дмитриевна
пос. Тубинский

Ведерников
Иван Максимович
пос. Седаново

Ведерникова
Татьяна Васильевна
пос. Подъеланка

Евдокименко
Раиса Адамовна
пос. Эдучанка

Зарубин Ефим Иннокентьевич и
Зарубина Анна Николаевна, с. Ершово

Каморников Владимир Иванович и
Каморникова Лидия Константиновна
пос. Подъеланка

Зарубина
Зоя Григорьевна
пос. Кеуль

Захарина
Раиса Ивановна
пос. Тубинский

Зарубин
Михаил Васильевич
с. Ершово

Каморников
Владимир Иванович
пос. Подъеланка

Каморников
Николай Алексеевич
пос. Подъеланка

Каморникова
Вера Георгиевна
пос. Подъеланка

Карнаухова
Нина Михайловна
пос. Невон

Корж
Тамара Алексеевна
пос. Седаново

Кузнецов
Павел Григорьевич
пос. Подъеланка

Панова
Полина Иннокентьевна
пос. Эдучанка

Сазонова
Любовь Алексеевна
пос. Подъеланка

Сизых
Ефросинья Ивановна
пос. Кеуль

Зарубина
Александра Васильевна
с. Ершово

Ступина
Анна Сергеевна
с. Ершово

Шаманская
Тамара Николаевна
пос. Подъеланка

СЛОВАРЬ ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВ

Амбár (анбár) – хозяйственная постройка для хранения припасов и одежды. Был одноэтажным или двухэтажным. Делился на две или три части: лопатную (хранили одежду – лопатину), мучной или хлебный, ямной или погребной (где был ледник). Иногда ледник располагался недалеко от амбара. В лопатном амбаре зачастую летом ночевали.

Анбарúшка – небольшая кладовая.

Атымáлка (отымáлка, отумáлка) – тряпка, используемая для взятия чугунка из русской печи. Чаще всего её делали из старой холщовой тряпки, которая всегда была чёрной от сажи. Неряшливого, грязного человека могли дразнить: «...ходишь, как атымалка» (Каморников В. И., п. Подъеланка).

Белая рыба – породы рыб, обитающие в реке Ангаре, которых старожилы не считали особо ценными, в отличии от стерляди и осетра. Это – сиг, налим, плотва, таймень, щука, окунь, елец.

Брóдни – повседневная мужская обувь типа чирок, но с высокими до колен голяшками из сукна или кожи.

Бурдúк – 1) овсяный кисель; 2) густой кисель: «... когда стряпали хлеб, оставляли тесто, заливали его водой. Все это постоит, забродит, воду лишнюю сливали и заваривали бурдук...» (Карнаухова Н. М., п. Невон).

Бурундúк – 1) род грызунов из семейства беличьих с пятью полосками на спине; 2) название старожилов Среднего Приангарья, Приилимья и Приленья.

Старожилов «бурундуками» стали называть после того, как в район в конце 50-х годов XX в. приехали экспедиции для обследования территории для подготовки ложа Усть-Илимского водохранилища:

а) запасливые, шустрые, приспособливались хорошо, работающие, широколицые, щекастые, похожие на бурундуков, которых было множество в районе;

б) у бурундука на спине пять полосок. Местным жителям, в связи с льготами, для жителей районов, приравненных к Крайнему Северу, выплачивается северная надбавка в 50 % (пять полосок), а приезжим только через каждые 1,5 года добавлялись 10 %. Некоторые жители в шутку говорили, что у них пока только три полоски, а значит, живут они в Усть-Илимском районе только 4,5 года.

Бачáмка (бочáнка, мутóвка) – палка из ствола сосны с ветвями на одной высоте внизу или из двух дощечек, сколоченных в виде креста. Служила для взбивания домашнего сливочного масла, сбитня (крема) и мороженного.

Борчáтка – шуба длиной до колен со складками (борками) по талии. Носили как мужчины, так и женщины.

Валёк – деревянная широкая и плоская доска с ручкой для выколачивания белья при стирке, а также для гладжения белья. По сведениям старожилов района, валёк мог иметь рубчатую сторону.

Верхонки – верхние рукавицы из сукна или собачьего меха.

Ветошить – прошивать. Стрепки от конопли между двумя слоями ткани прокладывали и простегивали вручную или на машинке.

Вечёрка (игранчик) – сбор молодежи после рабочей недели и в праздничные дни для участия в играх и танцах. Зимой собирались в избе, которую для этого арендовали у кого-нибудь из сельчан. Летом собирались на природе, в определенном месте, которое могли называть «пятачок».

Волосянки (водянки) – рукавицы из конского волоса. Вязали на спицах или одной иглой. Использовали для рыбалки в холодное время года.

Гашник – шнурок для поясной одежды (штаны, брюки, юбка). Изготавливали из конопляных или шерстяных нитей.

Гобцы – палаты у русской печки, на которых спали. Чаще всего там спали дети.

Голицы – охотничьи лыжи, не подбитые камусом (мехом с ног сошатого или оленя).

Голохай – крапива.

Двухстенка – двойная рыболовная сеть. Бывает и трёхстенка.

Дохá – шуба из шкур собак или медведей, мехом наружу.

Дранки – ленты из ткани. Старую одежду, постельное белье «драли» (рвали) на ленты и пряли в нить, ткали из нити дорожки на краснах (краснах) и вязали крючком коврики (кружки).

Жакётка (фуфайка) – женская куртка. Могла быть простёганная (ветошенная).

Жмульки – отжатое конопляное семя, скатанное в шарик.

Жучери (поняга, носилка) – тип рюкзака. Деревянная плоская доска с лямками, предназначенная для переноса тяжестей на спине. К доске прикреплялись веревочки для подвязывания добытого пушного зверя (белка, соболь). В верхней части имели крючок для подвешивания ружья, в нижней – петлю для топора.

Заборка – деревянная стенка, отгораживающая кухню (куть) от комнаты.

Запон (запан, фартук, передник) – нагрудный или поясной предмет одежды.

Зипун – верхняя мужская одежда из холста (портянины) или сукна, тип халата.

Икряник – запеканка из рыбной икры, сливок, соли, яйца и небольшого количества муки. «Икряник могли готовить из икры с подсолнечным маслом» (Банщикова Е. Ф. из п. Эдучанка) или «из икры с молоком» (Бубнов П. М. из п. Тубинский).

Исподки – рукавицы, связанные из самопряденной овечьей шерсти. Одевались под мохнатки или верхонки.

Исподница (подъюношник, исподнее, кольцоны) – нижнее белье.

Йчики – мужская кожаная обувь типа сапог с мягкой подошвой.

Казёнка – кладовка, чулан в сенях.

Карбаз – самосплавное плоскодонное грузовое судно с заостренной носовой частью и вертикальными бортами. Управлялся длинными рулевыми веслами. Использовался для доставки грузов сплавом по течению рек.

Катанки – валенки.

Какётка (кокётка, катётка, котётка) – женский праздничный цветной платок с кистями (как павловопосадский). Встречались какетки и вязанные из шелковых нитей с длинными кистями.

Кáша-зavarúха – каша из муки, воды и сметаны. «В кипящую воду всыпали муку и заваривали. В конце варки солили и добавляли сметану». (Банщикова Е. Ф. из п. Эдучанка).

Клётка (шалáш, юрта) – название мест для детской игры в куклы. Клетки городили во дворе усадьбы из досок.

Квасникý – лепёшки из из ржаной муки, запечённые в печке до тёмно-коричневого цвета. Квасники хранили в полотняном мешочке. Варили из квасников квас.

Коготки – семена растения марын корень (с лат. *Paeonia anomala*).

Кокóлды (кокóльды) (эвенк.) – меховые, суконные или вязаные рукавицы с разрезом на запястье. Чаще всего использовались на охоте в зимнее время. Вязаные коколды обшивали сукном или другой прочной тканью.

Колóк (голóк) – керамическое грузило для рыболовных сетей в виде баранки.

Колóшник – осот (с лат. *Sónchus*). вид травянистых растений рода Осот семейства Астровые, или Сложноцветные (Asteraceae). Корнеотпрысковый многолетник.

Коралькý – 1) бусы; 2) бусы, сделанные девочками из семян марынного корня (с лат. *Paeonia anomala*), ягод шиповника (с лат. *Fructus Rosae*) или из вороньих ягод (вороний глаз (с лат. *Páris*). Род однодольных растений семейства Мелантиевые (Melanthiaceae).

Кráсная рыба – особо ценные породы ангарских рыб – стерлядь и осётр.

Крýпотки (крыпóтки) – носки, связанные из конского волоса. Использовались в зимнее время для охоты «с подходом», работы в лесу или вместо обуви.

Кróсна (краснá) – ткацкий станок.

Кулýска – деталь одежды, в которой завязка (шнурок, пояс или резинка) продернута через двойной слой ткани.

Курлóк – плавательный пузырь от красной рыбы. Из него варили клей.

Кульмýшки – зимняя мягкая мужская обувь из лосиной шкуры. Носили только в сухую, морозную погоду.

Курмúшка (курмá, телогréйка, фуфáйка) – мужская, а реже и женская куртка, покрытая сукном. Мужчины носили на охоту. Курмушку (маленькую фуфайку) могли носить и дети.

Курýшка – мясо беличьих тушек.

Кútъ – кухня, женский угол в избе.

Кушáк – сотканный пояс для верхней мужской одежды.

Кухтá (куржáк) – снег на деревьях.

Лабáз – небольшой амбар на дереве, где охотники хранили не скоропортящиеся продукты и предметы охотничьего обихода.

Лабуты́ – обувь из замши, как мужские чирки.

Лáвница – 1) деревянный мостик на реке, на котором стирали белье и брали воду с реки; 2) большая лавка.

Лампасéя – леденцевая конфета (монпансье).

Личýнка – часть сетки-накомарника, тканой из конского волоса на специальных небольших деревянных станочках.

Лонýсь – выражение «не так давно».

Лопатýна (лóпать) – одежда.

Лыжи камаси́ны – охотничьи лыжи, подбитые камусом.

Могчон (магчён) – пескарь.

Моло́сная каша – каша из муки, заваренная на кипящем молоке.

Морда – продолговатое приспособление, сплетенное из прутьев лозы (ива, тальник), с квадратным основанием, предназначенным для рыбной ловли.

Мороженое (крем) – замороженный в формочках на холоде десерт из взбитой черемуховой муки со сметаной.

Мохнатки – зимние рукавицы мехом наружу или внутрь. Чаще использовали мех собак.

Накухтárник – кусок ткани, пришитый сзади к охотничьей шапке и предохраняющий шею от попадания кúхты.

Намёты (намётки) – деревянные дощечки-лекала для выкраивания заготовок чирков, ичигов или мохнаток.

Натrúска – металлическая, круглой формы ёмкость для пороха.

Обмотнóй – человек, который много говорит.

Обёрки – шнурки для завязывания чирков. Были ткаными или плетеными. Плести могли косичками из конопляных или шерстяных нитей. В промысловой обуви оборки делали из кожи. В мужской обуви, особенно в промысловой, оборки делали из конского волоса.

Обутки – обувь.

Однорядка – верхняя одежда, сшитая без подклада. Зипун без подклада.

Онúчи (онúчки) – портняки. Делали из ткани для обертывания ног. Носили с обувью.

Опушни (оторóчка) – верх чирков из ткани. Кулиска, в которую продергивались оборки. Женские тканевые опушни были короткими. Мужские из сукна, а иногда и из лосиной кожи – высокие (до середины икры и выше). Они завязывались веревочками-оборками.

Оттóпок – стоптанная обувь.

Охриднóй (ахреднóй) – грязный.

Ошурки – остатки от топлёного сала.

Пальмá – орудие охоты, состоящее из полутораметровой палки (черень) и металлического ножа, заточенного с двух сторон. Использовалась для охоты на медведя.

Пáренки – брюква или репа, нарезанная кусочками, запеченная в русской печке, крестьянские сладости.

Пýмы – валенки.

Плюшевка (плюшка, жакётка плюшева) – женская куртка, сшитая из плюша черного или коричневого цвета.

Повáрня – летняя кухня.

Подёнки – остатки от топленого сливочного масла.

Подзёрник – простынь с кружевами.

Подпоя́ска – пояс, кушак.

Покрómка – длинный и узкий кусок ткани, которым пеленали ребенка.

Пóмочь – помочь друг другу, например, при постройке дома.

Порткý – мужские штаны.

Портянина – одежда, сшитая из льняного или конопляного холста. Посидёнка (посидёнки) – зимние встречи женщин за вечерней работой (ткачество, прядение, вышивание, вязание).

Постигонка – тонкая и прочная нитка из конопли, обработанная варом, предназначенная для ремонта обуви.

Потник – подстилка на кровать, набитая волокном льна или конопли (куделью), мягкая подкладка под седло.

Предамбарье – площадка, помост перед амбаром.

Преснушки – булочки из пресного теста (мука, пахта, соль) в виде восьмёрок, косичек, башенок, калачей. Бытовали и сушки-преснушки.

Ремуга – старая, изношенная одежда.

Рукотельник (рукотёрник, лукотёрник) – полотенце для вытирания рук.

Сак – 1) верхняя женская одежда типа куртки, сшитая из черного сатина или мелестины (Сизых Е. И. из д. Ёдорма). 2) Длинный сачок для ловли рыбы.

Самолобы – приспособление с крючками для ловли стерляди и осетра.

Сбитьень – десерт, лакомство, приготовленное из взбитых бачамкой сметаны, молока, яйца и сахара. Сбитень могли готовить и из сметаны со сгущенным молоком (Банщикова Е. Ф. из п. Эдучанка). Взбитый десерт замораживали в формочках на холоде.

Сэндух – ночёвка на открытом воздухе в лесу или на сеновале.

Сётка (личинка, накомарник, сётошник с кóшелем) – шлемовидный головной убор из ткани, закрывающий голову, шею и грудь с сеткой-личинкой (чумашек) из конского волоса на лицо. Защищал от гнуса: комаров, мошки и мокреца. Были мужские и женские.

Сёгоды – в этом году.

Студень – холодец, сваренный из говяжьих или свиных ног.

Суковицник – подкорковый слой у молодой сосны, который снимали (драли) с помощью струн или лески, называли сок.

Сырчики (сырники мороженые, творожники, мандришки) – замороженный лепешками растертый творог со сметаной, украшенный сверху ягодками брусники.

Тарак – кисломолочный продукт, сделанный из топленого молока, заквашенного сметаной.

Тарочка – булочка из дрожжевого теста с начинкой из ягод.

Темляк – веревочка (... рукавицы на темляке).

Тýес (тýуз, тýэз) – берестяная ёмкость, предназначенная для хранения.

Турсу́к (турсы́к-заплéчник) – заплечный короб из бересты, дерева или кожи, для рыбы или сбора грибов, ягод. Использовали для хранения муки.

Турянка – небольшая мелкоячеистая сеть для ловли рыбы.

Ушкáн – заяц.

Ухожье (у́хожже) – охотничий участок в тайге.

Фимочка – кофта, сшитая из холста. (Жмуррова Г. М. из п. Кеуль).

Холст – тканая в домашних условиях на кроснах ткань из льняных или конопляных нитей.

Холщавы́тина (холшóвина) – одежда, сшитая из холста.

Цéвки – берестяные трубочки, служащие в сети поплавком.

Чалдóн – общесибирское самоназвание русских старожилов: 1) человек с Дона; 2) жили между Чалом и Доном; 3) честный человек.

Чéчки – кусочки фарфора. Ими играли дети, считая их большими сокровищами.

Чиркý (чекý) – кожаная обувь типа закрытых тапочек черного цвета с опушнями из ткани и с оборками. Чирки были женскими (с короткими опушнями) и мужскими (с высокими до 20 см. суконными опушнями).

Чумáн (чумáшек) – небольшая ёмкость из цельной бересты в виде коробки.

Шáньга – 1) булочка из кислого теста с начинкой сверху из картофеля (тип ватрушек). Шаньги с картофелем могли называться «ромбомбоновые» (Анучина Н. П. из п. Невон). Из кислого теста делали круглую лепешку, выкладывали начинку из картофельного пюре, сверху мазали сметаной и запекали в русской печке. Начинка могла быть и из творога (Сизых Е. И. из д. Ёдорма);

2) шаньга с наливкой: а) яйца со сметаной; б) яйца с молоком и мукой; в) яйца, сливки, сметана и мука; г) пахта, сахар и мука.

3) шаньга сборчатая из пресного теста. Делали круглый сочень, выкладывали начинку из картофельного пюре и защищали края сочня гармошкой по кругу, сверху мазали сметаной и запекали в русской печке.

Шарбá (щербá) – уха из рыбы.

Швырóк – колотая чурка (Сизых Е. И. из д. Ёдорма).

Шелкóвник – трава для изготовления щёток для побелки и стелек. Заготавливалась осенью.

Щéлок (щóлок) – водный настой из просеянной золы (предпочтительно березовой), которым стирали бельё и мылись в бане.

Шивéра – речной каменистый перекат.

Шкéры – тип широких брюк, сшитых из сатина или мелестина с резинкой внизу.

Шóдинник – мужская одежда типа полупальто или куртки, из отбеленного холста или из ткани черного цвета.

Шумíха – деревянное приспособление в виде широкой лыжи с креплениями. Предназначено для вывоза добычи из леса охотником.

Яблóшница – картофельное пюре.

Ярúшник – булка темно-коричневого цвета, испеченная из ячменя.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бубис Н. Г. Село «У Невон-камня» Невон. Возникновение и развитие / Н. Г. Бубис // Мозаика Иркутской губернии. Старинные селения Приангарья: очерки истории и быта XVIII–нач. XX вв.: Сб. статей / Сост. А. Н. Гаращенко. – Иркутск: изд-во «Оттиск», 2007.– 432 с. ил.
2. Макаренко А. А. Сибирский народный календарь [Текст] / А. А. Макаренко; под ред. А. С. Ермолова. – Новосибирск : Наука. Сибирская изд. фирма, 1993. – 164 с.
3. Мельхеев М. Н. Географические названия Восточной Сибири. Иркутская и Читинская области./ Мельхеев М. Н. – Иркутск, 1969. – 120 с.
4. Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века : в 2 т. / В. Н. Шерстобоев. – Иркутск: Иркутское областное государственное издательство, 1949. – Т. 1. – С. 589.
5. Маслова Г. С. Русский народный костюм (XIX –XX вв.) / Г. С. Маслова // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири [Текст]: [Сборник статей] / [Отв. ред. д-р искусствоведч. наук И. В. Маковецкий и д-р ист. наук Г. С. Маслова]; АН СССР. Сиб. отд-ние. Ин-т истории, филологии и философии. Отд-ние истории. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М-во культуры СССР. Ин-т истории искусств. - Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1971-. Ч. 1: Приангарье. - 1971. - 198 с., 17 л. ил. : ил., нот. ил., карт.
6. Сабурова Л. М. Одежда русского населения Сибири / Л. М. Сабурова // Из культурного наследия народов России [Текст] / [Отв. ред. Т. В. Станюкович]. – Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972. – 299 с – (Сборник Музея антропологии и этнографии/ АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая).
7. Сабурова Л. М. Русское население Приангарья / Л. М. Сабурова // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири [Текст]: [Сборник статей] / [Отв. ред. д-р искусствоведч. наук И. В. Маковецкий и д-р ист. наук Г. С. Маслова]; АН СССР. Сиб. отд-ние. Ин-т истории, филологии и философии. Отд-ние истории. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М-во культуры СССР. Ин-т истории искусств. - Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1971-. Ч. 1: Приангарье. - 1971. - 198 с., 17 л. ил. : ил., нот. ил., карт.
8. Традиционная кукла народов Пермского края. – науч. ред. А. В. Черных. – СПб.: издательство «Маматов», 2013. – 128 с.
9. Шмелева, М. Н. Традиции и народное питание русских (социальные аспекты) // Русские народные традиции и современность. [Текст] ред. Т. А. Листова – М. Наука, 1995. с. 299.
10. Пятница: еженед. газ. // Зона затопления. Автор: Оксана Гордеева. – Иркутск № 10. 16.03.2007
11. Усть-Илимский район: Историческая и географическая справка [Электронный ресурс] // НУК «Экспедиция ИнтерБАЙКАЛ»: офиц. сайт.– Иркутск. – Режим доступа <http://www.pribaikal.ru/528.html> (дата обращения: 27.03.2018).

Л. М. Мельникова

Традиционная культура
русских старожилов
Усть-Илимского района
Иркутской области

Серия «Этнография Иркутской области»
Выпуск 3
Серия основана в 2013 году

Автор: Л. М. Мельникова
Редактор: Н. В. Разумная
Фотографии: Л. М. Мельникова, В. А. Таратутов
Рисунки: Л. М. Мельникова

Ответственный за выпуск: Л. А. Герда
© Государственное бюджетное учреждение культуры
«Иркутский областной Дом народного творчества», 2018
© Л. М. Мельникова, 2018

Подписано в печать

Отпечатано в типографии «Репроцентр А1»
Тираж 300 экз. Заказ .
г. Иркутск, ул. Александра Невского, 99/2
Тел. 8 (3952) 540-940

